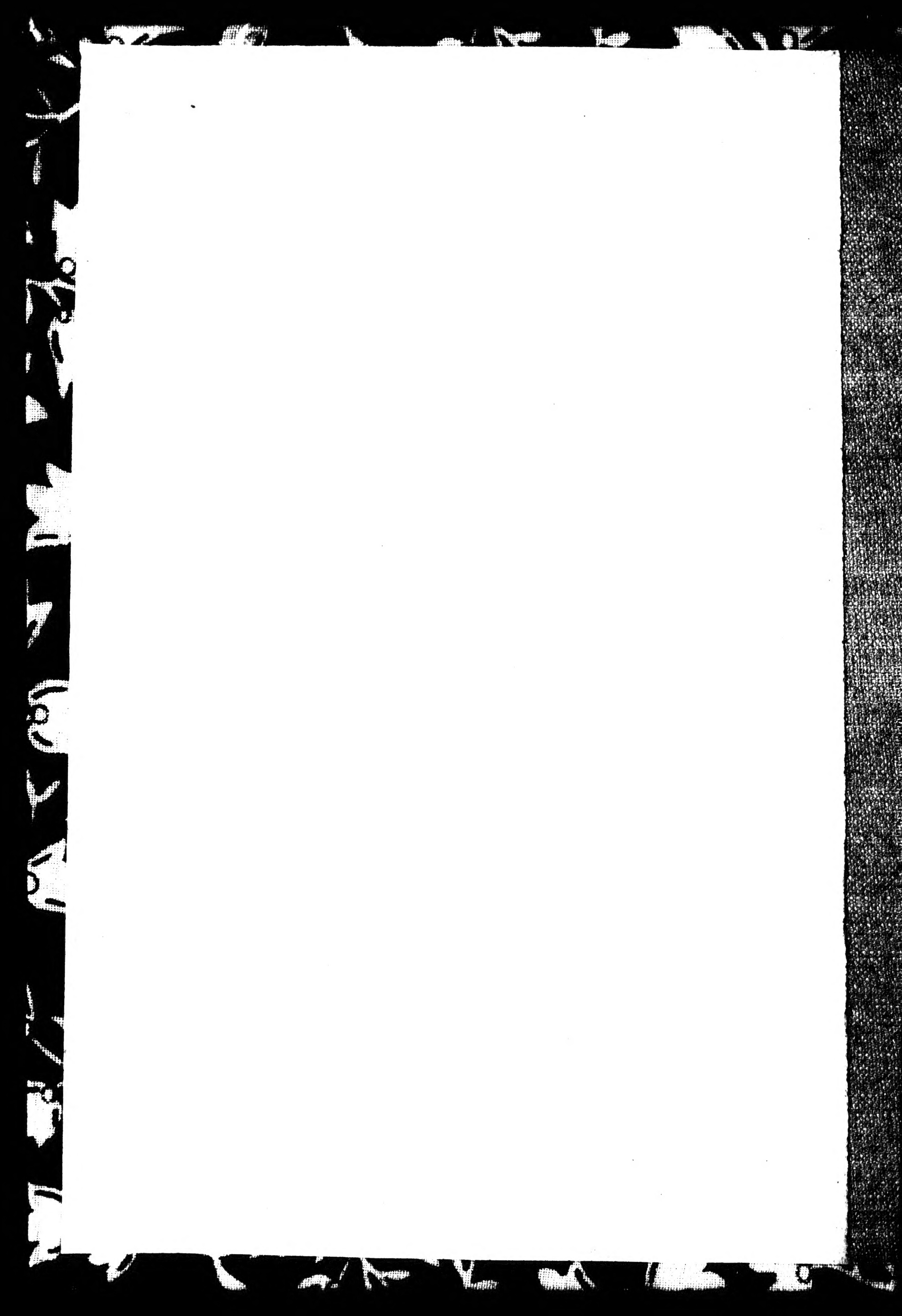
Koldun znakhar i charodiei

Moskva

1913

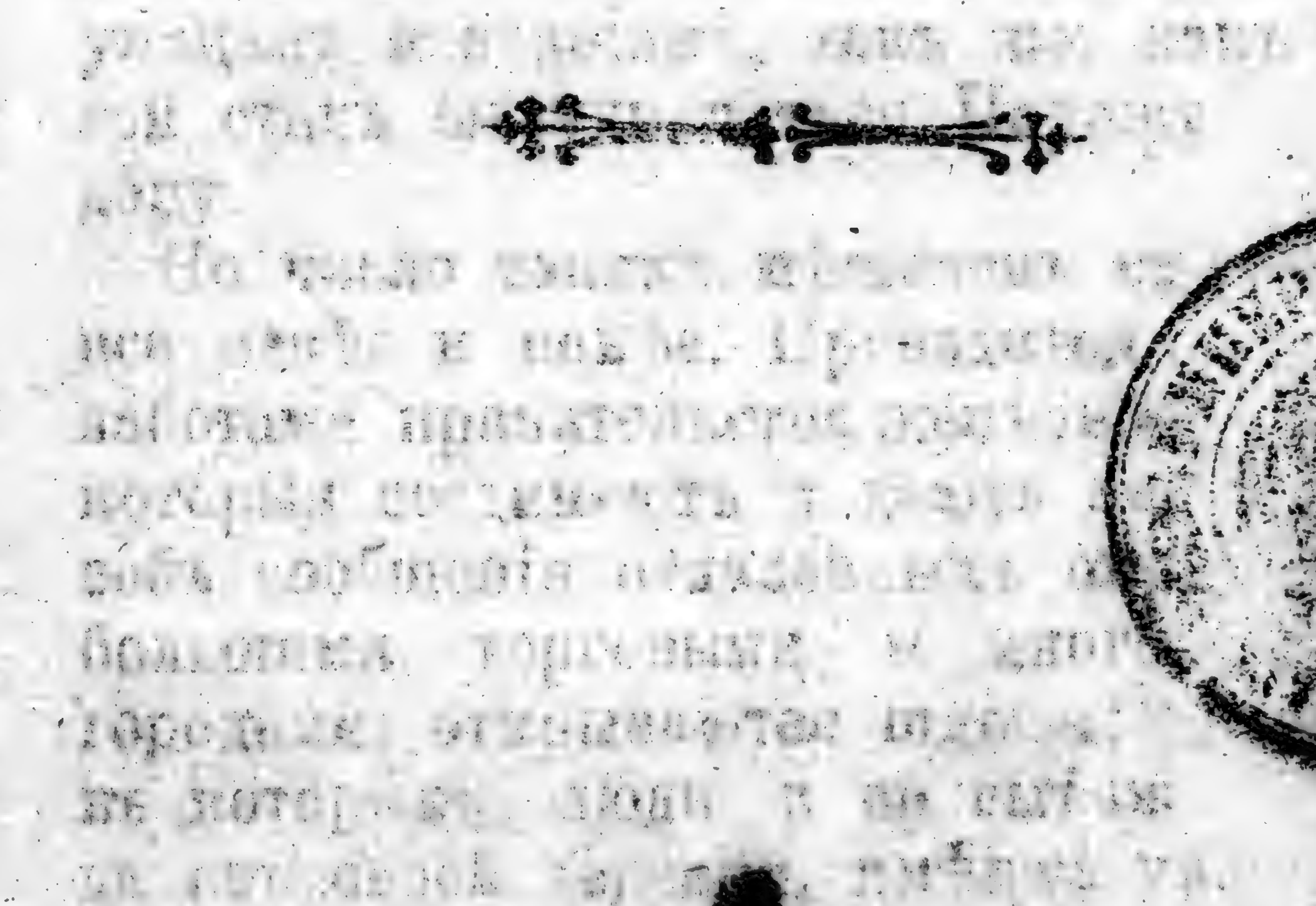
INFORMATION OBSCURED

КОЛДУН
Лит. И. С.

КОЛДУНЪ

знахарь и чародѣй

ЧЕРНАЯ КОШКА.

МОСКВА,
Типографія П. В. Бѣльцова, Чистопрудн. проѣздъ д. № 14.
1913 г.

КОЛДУНЪ

знахарь и чародѣй

ЧЕРНАЯ КОШКА.

[illegible]

МОСКВА.
Типографія П. В. Бѣльцова, [illegible]
191[illegible] г.

I.

И теперь еще есть на матушкѣ Руси много очень удаленныхъ отъ городовъ мѣстъ и мѣстечекъ, такихъ глухихъ, что жители ихъ кромѣ своей деревни до своей деревни да своего уѣзднаго города нигдѣ и не бывали, и считаютъ свой маленькій грязный уѣздный городишко богатымъ и знатнымъ поселеніемъ, удивляясь его улицамъ и зданіямъ, такъ же, какъ другой сталъ бы удивляться Парижу и Лондону.

Но число такихъ мѣстечекъ становится все менѣе и менѣе. Проводятся повсюду заботами правительства желѣзныя дороги, которыя соединяютъ и даютъ легкій способъ сообщенія отдаленныхъ окраинъ съ большими, торговыми и многолюдными городами; открываются школы, побывавъ въ которыхъ, люди и не выѣзжая никуда изъ своей деревни, имѣютъ уже понятіе о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ.

Вообще приходить конецъ теперь дикости и темному невѣдѣнію: становится народъ умнѣе и развитнѣе и мало по малу начинаетъ посмѣиваться надъ разными глупыми предразсудками, въ которые такъ слѣпо вѣрилъ ранѣе.

Но вѣдь предразсудки эти вкоренились русскому народу цѣлыми вѣками и потому трудно и даже невозможно сразу сбросить, стряхнуть съ себя весь мракъ невѣжества, хотя много уже дѣлаются въ этомъ направленіи мало по малу, потихоньку и исподволь.

Къ числу многочисленныхъ предразсудковъ русскаго народа, принадлежитъ еще и до сихъ поръ предразсудокъ о колдунахъ.

Колдуномъ, обыкновенно, называютъ какого-нибудь старика, особенно живущаго въ сторонѣ отъ деревни, какого-нибудь мельника или лѣсника.

Этому колдуну народъ приписываетъ различныя сверхъестественныя свойства, говорятъ про него, что онъ можетъ излѣчивать и напускать всякія болѣзни, можетъ составить счастіе или несчастіе чело-

вѣка. Вообще признають колдуна какимъ-то всемогущимъ человѣкомъ.

И что всего обиднѣе и больнѣе, такъ это то что такъ думаетъ никто другой, а православный русскій народъ; между тѣмъ какъ вѣра въ колдуновъ есть великій грѣхъ.

Люди, которыхъ принимаютъ за колдуновъ, бываютъ различны и потому по разному относятся къ вымышленному о нихъ мнѣнію. Порядочные люди открещиваются отъ названія колдуна и всѣмъ своимъ поведеніемъ стараются доказать сосѣдямъ, что они не колдуны какіе то, за какихъ ихъ принимаютъ, а такіе же люди, какъ и всѣ прочіе. Люди же порочные, любящіе ловить рыбу въ мутной водѣ и пользоваться выгодами за счетъ невѣжества и темноты своихъ ближнихъ, бываютъ, напротивъ, очень рады, когда народная молва станетъ считать ихъ колдунами. Имъ это на руку. И они всѣми силами стараются поддержать распространившееся въ народѣ общее мнѣніе о томъ, что они колдуны, обладающіе нечеловѣческою силою творить различныя чудеса.

Давно уже идутъ глупыя басни о кол-

дунахъ и принадлежать, конечно, къ остаткамъ язычества, въ которомъ коснѣли предки наши до просвѣщенія Руси христіанствомъ.

Послѣ крещенія Руси въ вѣру православную святымъ равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ, стало распространяться въ ней истинное христіанское ученіе, успѣшному распространенію котораго, много, между прочимъ, способствовало монашество, начавшее распространятся. Послѣ основанія Кіево-Печерской лавры, набожные люди, отрекавшіеся отъ міра и поступавшіе въ монастырь, принимали всѣ мѣры, чтобы отрѣшиться по возможности отъ всего земного и позабывъ нужды тѣла, болѣе всего думали о нуждахъ и потребностяхъ души, поэтому эти люди изнуряли свое тѣло постомъ, спали на голыхъ доскахъ, а иногда даже и на голыхъ камняхъ, готовы были гнать всякую мірскую радость и тѣмъ болѣе суету и празднословіе.

Между самими христіанами въ то время было очень много суевѣрій. Всякое явленіе природы, непонятное для нихъ, но сильно вліяющее на ихъ воображеніе,

старались они объяснить по своему, причемъ явленію этому они придавали различныя свойствъ, которыхъ оно и имѣть не могло, а поэтому и впадали въ суевѣріе.

Явится ли на небѣ хвостатая звѣзда, комета, случится ли лунное или солнечное затмѣніе, родится ли какой-нибудь уродъ—и говорятъ тогда суевѣрные люди, что все это не къ добру, все это къ добру, все это къ чему-нибудь бѣдственному или ужасному и что все это казнь за грѣхи людскіе.

Такъ пугали суевѣрные люди и себя и другихъ, не понимая того, что всѣ подобныя явленія очень легко могутъ быть объяснимы и также просто и естественно случались и случаются, какъ просто, по извѣстнымъ законамъ природы, бываетъ день и ночь, зима и лѣто.

Кромѣ того въ глазахъ христіанъ домовые лѣшіе, русалки, оборотни считались бѣсами, которыхъ они боялись и страшились на каждомъ шагу, гдѣ бы они ни были.

Для народа же, который еще не успѣлъ забыть языческихъ преданій, всѣ это до-

мовые лѣшіе и прочія выдумки были божествами. Вообще же для всѣхъ въ тѣ стародавнія времена весь міръ былъ наполненъ страхами отъ выдуманныхъ и, конечно, никогда не бывалыхъ грозныхъ вѣдьмъ, домовыхъ и лѣшихъ и необразованный народъ вполнѣ и искренно еще вѣрилъ вѣдьмамъ, колдунамъ и волхвамъ которые сначала въ то время, когда предки наши еще не были просвѣщены свѣтомъ христіанскаго ученія, были служителями и жрецами языческихъ боговъ.

Когда же русскіе приняли христіанскую вѣру и оставили язычество, эти колдуны и волхвы стали простыми обманщиками, морочившими народъ различными нелѣпыми выдумками, чтобы добывать отъ него деньги и пользоваться другими выгодами.

Такъ однажды случился голодъ въ Ростовской области: народъ сильно страдалъ отъ этого несчастія, потерялъ, какъ говорится, голову и потому былъ уже подготовленъ къ воспріятію самыхъ нелѣпыхъ слуховъ. Вдругъ, въ такое то непокойное время явились въ Ростовскую область изъ Ярославля два волхва и на-

чали распространять о себѣ такіе слухи: „Мы знаемъ, кто скрываетъ обиліе!“ Распространяя такіе слухи, они отправились по Волгѣ и какъ только приходили въ какое-нибудь село, то призывали къ себѣ лучшихъ женъ и говорили пре нихъ, что вотъ эта мопъ, скрываетъ въ себѣ жито, а эта медъ, а эта скрываетъ рыбу. Глупые, суевѣрные люди приводили къ нимъ женъ, матерей и сестеръ, волхвы и надрѣзывали у нихъ за плечами и показывали обманнымъ образомъ видъ, что вынимаютъ изъ-за кожи бѣдныхъ женщинъ медъ, рыбу и жито.

Несчастныхъ женщинъ по приговору и по совѣту гнусныхъ обманщиковъ волхвовъ убивали, а имѣніе убитыхъ доставалась тѣмъ же волхвамъ. Такимъ образомъ дошли они, губя невинныхъ, вплоть до Бѣло озера, причемъ находились люди, такъ слѣпо вѣровавшіе имъ что соглашались итти въ слѣдъ за ними и составлять ихъ дружину; такъ что когда волхвы дошли до Бѣло озера, то съ ними было до трехсотъ человѣкъ народа. Въ это время случилось придти къ тому же Бѣло озеру нѣкоему Яну, который былъ посланъ въ

тѣ края княземъ Святославомъ для сбора податей. Придя къ Бѣло озеру, Янъ услыхалъ о появленіи тамъ волхвовъ и объ ихъ продѣлкахъ.

Сразу догадавшись, что это никто такіе, какъ самые подлые обманщики, Янъ сталъ требовать у народа, чтобы онъ выдалъ обманщиковъ ему. Народъ такъ сильно вѣрилъ въ обманщиковъ, что не изъявилъ особой охоты исполнить требованіе Яна. Тогда Янъ взялъ съ собою двѣнадцать человѣкъ изъ дружины и пошолъ съ ними въ лѣсъ. Толпа, окружавшая волхвовъ, также вооружилась и изъ нея вышли три человѣка навстрѣчу идущему къ нимъ Яну.

— Развѣ не видишь, что ты идешь на вѣрную смерть? Не ходи лучше! — кричали они подходящему Яну.

Янъ не сробѣлъ, онъ велѣлъ убить этихъ троихъ сторонниковъ и защитниковъ волхвовъ: потомъ бросился и на остальную толпу, которую и загналъ въ лѣсъ. Потомъ онъ вернулся къ Бѣлоозерцамъ и сталъ во что бы то ни стало требовать отъ нихъ выдачи волхвовъ: „если вы мнѣ

не выдадите ихъ, то я цѣлый годъ не уйду отъ васъ съ своею дружиною".

Бѣлозерцы испугались такой угрозы, поймали волхвовъ и привели ихъ къ Яну.

— Зачѣмъ вы погубили столько народу?—спросилъ Янъ.

— Онѣ скрываютъ обиліе, отвѣчали обманщики, если мы истребимъ ихъ, то прекратится голодъ; не хочешь ли мы и на твоихъ глазахъ вынемъ изъ нихъ рыбу или жито, или медъ!

— Пустяки вы говорите закричалъ Янъ на обманщиковъ. Богъ сотворилъ человѣка изъ земли, и человѣкъ составленъ изъ костей, изъ жилъ съ кровью, изъ мозгу; а больше въ немъ нѣтъ ничего и не откуда быть въ человѣкѣ житу, или рыбѣ, или меду!—Скажите мнѣ лучше, какому вы Богу вѣруете и гдѣ вашъ Богъ?—допрашивалъ Янъ у стоящихъ передъ нимъ волхвовъ.

— Нашъ богъ, отвѣчали ему испуганные волхвы, сидитъ въ безднѣ, онъ великъ и могучъ!

— Какой же это богъ, сидитъ въ безднѣ, возразилъ имъ Янъ; истинный Богъ

пребываетъ на небеси, а въ безднѣ сидитъ бѣсъ!

Когда же потомъ сталъ грозить волхвамъ наказаніемъ за ихъ гнусные поступки и за обманъ народа, то волхвы гордо, надѣясь смутить Яна, отвѣчали ему:

— Боги наши повѣдаютъ намъ, что ты намъ не въ состояніи ничего сдѣлать!

Тогда Янъ, выведенный изъ себя такимъ глупымъ и гордымъ отвѣтомъ волхвовъ велѣлъ ихъ бить и повыдергать у нихъ бороды.

— Что теперь говорятъ вамъ ваши боги?—смѣясь, спрашивалъ Янъ у избитыхъ волхвовъ.

— Мы о томъ отвѣтимъ Святославу!— отвѣчали тѣ, а ты съ нами все таки ничего не сдѣлаешь!

Тогда Янъ приказалъ связать ихъ, положить въ лодку и пустить по рѣкѣ Шекснѣ, а самъ пошелъ вслѣдъ за ними, все спрашивая у нихъ: что говорятъ вамъ боги?

Волхвы увидали, что имъ становится очень плохо и дали, наконецъ, такой отвѣтъ Яну: ,, боги наши рѣшили, что видно не быть намъ въ живыхъ“.

— А вотъ теперь правду сказали ваши боги!—засмѣялся Янъ.

— Но если ты насъ опустишь, говорили ему волхвы, то много тебѣ будетъ добра, а если не отпустишь, то жди себѣ много несчастія и горя!

— Нѣтъ, сказалъ имъ на ихъ слова Янъ, если я васъ отпущу, то Господь накажетъ меня! Затѣмъ Янъ разговорился съ перевозчиками и сталъ спрашивать у нихъ, не убили ли эти волхвы когонибудь изъ ихъ родныхъ. Тѣ стали пересчитывать, что волхвы убили у кого изъ нихъ мать, у кого сестру, а у кого жену.

— Такъ отомстите имъ! воскликнулъ Янъ.

Вмигъ были убиты волхвы перевозчиками и тѣла ихъ были повѣшены на дубу.

Вотъ такъ то учили волховъ въ старое время: времена перемѣнились и, конечно, теперь такъ ихъ никто не учитъ и не имѣетъ права поступать такимъ образомъ и самовольно, такъ мы пользуемся закономъ и судомъ, обязанность котораго разбирать всѣ случающіяся недоразумѣнія, защищать правыхъ и карать виноватыхъ.

Но есть еще и теперь нѣкоторые легко-

вѣрные люди, которые вѣрятъ мнимымъ колдунамъ обманщикамъ, одинъ изъ такихъ-то обманщиковъ и займетъ видное мѣсто въ нашемъ разсказѣ.

II.

Въ одной отдаленной отъ города деревенькѣ, находящейся въ Костромской губерніи, какъ-то лѣтомъ, въ одно изъ воскресеній, было замѣтно очень сильное оживленіе. Весь деревенскій людъ повысыпалъ изъ своихъ избъ и собравшись на улицѣ деревни болѣе или менѣе значительными кучками, казалось, дѣятельно обсуждалъ какой-то вопросъ. Старики сидѣли на заваленкѣ мірской избы, бабы толкались на срединѣ улицы, а ребятишки перебѣгали съ одного мѣста на другое.

— Такъ правду ли это говорятъ, дѣдушка Онисимъ?—спрашивалъ здоровый чернобородый мужикъ у сѣдого дряхлаго старика, сидящаго на заваленкѣ.

— Какъ тебѣ сказать, Петръ, божиться тебѣ я не буду, потому что, самъ ты

знаешь, что люди ложь, и я лжу. Говорю только тебѣ, что въ городѣ только и разговоръ о томъ, что пріѣдетъ къ намъ наша барыня.

— Кто же, къ примѣру, говоритъ, это?—допытывался тотъ чернобородый мужикъ, котораго звали Петромъ.

— Чудакъ ты этакой, внушительно отвѣчалъ ему старичекъ, я тебѣ говорю, что весь городъ объ этомъ толкуетъ, а ты спрашиваешь меня кто объ этомъ говоритъ; спросилъ бы лучше кто не говоритъ. Вездѣ говорятъ: у Хвастунова въ лавкѣ былъ говорятъ, былъ у Еремѣевыхъ въ лавкѣ, тамъ сидѣло много господъ и приказныхъ, тѣ тоже говорятъ объ этомъ на базарѣ много слышалъ; а тутъ уже вотъ верстахъ въ десяти отъ нашей деревни нагналъ меня урядникъ, ѣдетъ должно быть въ Пронино, догналъ да и прикрикнулъ: сторонись что ли. Экій неповоротный вотъ погоди пріѣдетъ къ вамъ ваша генеральша: поразгоняетъ она васъ, тогда вы будете немного поповоротливѣе.

— Гмъ, проворчалъ Петръ, стало быть и правду пріѣдетъ.

— А не слыхалъ, какова она, значитъ, характеромъ? — спрашивалъ дѣдушку Онисима другой мужиченко маленькаго роста съ рѣденькой рыжей бородой.

— Нѣтъ, отвѣчалъ старикъ Онисимъ, что не слыхалъ, того и не слыхалъ, и и врать небуду, не возьму этого грѣха на свою душу.

— О томъ, что пріѣдетъ, говорятъ всѣ а разговору объ ея характерѣ, я не слыхалъ.

Между бабами шелъ также оживленный разговоръ о предстоящемъ пріѣздѣ барыни генеральши.

— Старая, престарая, повѣствовала дородная тетка Домна собравшимся около нея бабамъ, говорятъ на костыляхъ ходитъ и одной ногой ужъ въ могилѣ стоитъ. А про дочку ея разсказываютъ (есть у ней дочка то), что красавица, раскрасавица писанная какъ хирувимчикъ какой нибудь.

— А сердита барынька то или добра спрашивали тетку Домну о характерѣ барыни.

— Не знаю, милая моя, не знаю! — Богъ вѣсть про это.

— Дай Богъ, чтобы подобрѣе была! раздавались голоса въ собравшейся толпѣ бабъ.

Вѣстимо, дай Богъ, чтобы была подобрѣе. Какая радость имѣть подлѣ себя злющую барыню. Да только, по всей видимости, барыня должна быть добрая: не въ кого ей злой то быть. Старики разсказываютъ, что когда они еще были господскими; то завсегда были очень довольны своими господами, а старики то отъ своихъ отцовъ да дѣдовъ тоже кромѣ благодарности да похвалы ничего о нашихъ господахъ не слыхали.

— Слышь, богатая, пребогатая? наивно спрашивала какая то дѣвочка подростокъ.

Вопросъ этотъ показался бабамъ до того наивнымъ, что всѣ онѣ расхохотались и дѣвочкѣ посыпалась масса насмѣшливыхъ отвѣтовъ.

— Къ намъ захлѣбомъ, небось не придетъ.

— Чай каждый день съ баранками пьетъ.

Говядину каждый праздникъ ѣетъ! Ха-ха-ха.

Виною этому оживленію и всеобщимъ толкомъ было извѣстіе о пріѣздѣ въ деревню барыни-генеральши.

Третьяго дня дѣдушка Онисимъ отправился въ городъ, гдѣ онъ давнымъ давно хотѣлъ побывать, чтобы продать тамъ заготовленные имъ колеса. Изъ деревни мужики за дальностью разстоянія очень рѣдко ѣздили въ городъ; а потому если какому нибудь мужику приходилось побывать въ городѣ, то вскорѣ послѣ его возвращенія въ деревню, въ избу къ нему набивалось много охотниковъ послушать разныхъ новостей. Этотъ обычай былъ извѣстенъ всѣмъ, и потому каждый мужичекъ, отправлявшійся въ городъ помимо того, что дѣлалъ въ городѣ то дѣло, ради котораго онъ туда пріѣзжалъ, старался еще послушать городскихъ толковъ и пересудовъ или чтенія газетъ въ трактирѣ, чтобы было что передать своимъ сосѣдямъ, когда они вскорѣ послѣ сего соберутся въ его избу.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія изъ города дѣдушки Онисима и имѣли на это причину, так какъ дѣдушка Онисимъ былъ самый интересный разска-

щикъ городскихъ и газетныхъ слуховъ и новостей. Всякій разъ, какъ только уѣзжалъ Онисимъ въ городъ, то привозилъ оттуда, такой запасъ интереснаго для разговора и общаго обсужденія матеріала, что его хватало не на одинъ, а на нѣсколько вечеровъ. Да и было откуда дѣдушкѣ Онисиму добывать для своихъ сосѣдей интересныя новости; во первыхъ, дѣдушка Онисимъ имѣлъ громадное знакомство среди городскаго купечества, съ которымъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, а во-вторыхъ что самое главное, онъ былъ грамотенъ и могъ не только слышать, какъ другіе читаютъ газеты; а читалъ самъ и иногда даже выпрашивалъ у купцовъ газеты, которыя привозилъ въ деревню и прочитывалъ собравшамся около избы или въ самой его избѣ крестьянамъ. Но вотъ и пріѣхалъ дѣдушка Онисимъ. Всѣ знали, что по пріѣздѣ изъ города онъ имѣетъ обыкновеніе пообѣдать и часокъ другой отдохнуть на печкѣ или на сѣновалѣ, смотря по времени года.

Поэтому хотя всѣ и видали какъ дѣдушка Онисимъ прогналъ по деревнѣ сво-

его гнѣдого меринка и хотя всѣ уже раскланялись со старикомъ, кто стоя на крыльцѣ, а кто выглядывая въ окно; но никто еще и не думалъ подходить къ красненькой росписной избушкѣ Онисима, стоящій на краю деревни.

— Рано еще! такъ разсуждали всѣ; пусть его отдохнетъ!

Но каково же было удивленіе всѣхъ крестьянъ, когда не прошло и четверти часа послѣ пріѣзда дѣдушки Онисима, а онъ уже вышелъ изъ избы и сѣлъ на заваленку. По всему видно было, что дѣдушка Онисимъ вопреки своимъ давно установившимся привычкамъ не только не отдыхалъ на этотъ разъ но даже и не обѣдалъ, а только, что успѣлъ отпречь своего гнѣдого меринка и тотчасъже вышелъ на улицу.

Чтобы это такое значило—подумали всѣ крестьяне, и не знали подходить ли имъ къ дѣдушкѣ Онисиму или подождать. „Можетъ быть такъ немного обвѣтриться вышелъ, пока тетка Домна собираетъ ему обѣдъ", думали нѣкоторые, не прошло полчаса, а дѣдушка Онисимъ продолжалъ сидѣть и теперь уже не одинъ, а къ нему

подсѣлъ его ближайшій сосѣдъ, рыжій мужикъ Ѳома которому что то съ жаромъ объяснялъ дѣдушка Онисимъ.

«Ѳома подошелъ къ Онисиму и толкуетъ съ нимъ, стало быть теперь и намъ можно выползать и подходить къ нему!» — думали крестьяне и одинъ за другимъ подходили къ дому Онисима.

Тутъ то и узнали всѣ о томъ, что дѣдушка Онисимъ доподлинно узналъ въ городѣ о скоромъ пріѣздѣ въ деревню генеральши-барыни.

Изъ за чего же такъ волновались мароинцы (деревня называлась мароина), узнавъ о предлагаемомъ скоромъ пріѣздѣ барыни генеральши? Вѣдь крестьяне уже не въ крѣпостной зависимости отъ господъ! и, кажется, на первый взглядъ, мароинцамъ было рѣшительно все равно пріѣдетъ ли къ нимъ барыня или нѣтъ. Но мароинцы имѣли свои причины волноваться при полученномъ ими извѣстіи.

Генеральша Анна Алексѣевна Курдюмова была въ своемъ помѣстьѣ когда то давнымъ давно, только еще въ первое время выхода своего замужъ за покойнаго генерала Александра Ивановича Кур-

димова; пробыла она тутъ съ мужемъ всего только одно лѣто; затѣмъ господа уѣхали и уже никогда въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ не показывались въ своемъ костромскомъ имѣніи. Самое извѣстіе о смерти генерала Александра Ивановича управляющій имѣніемъ старикъ Аристархычъ получилъ прежде всего не отъ хозяйки своей, а отъ нѣкоторыхъ изъ марѳинцевъ, уходящихъ ежегодно въ Москву на работы по малярной части. Хорошо и привольно жилось марѳинцамъ въ сосѣдствѣ съ богатыми и добрыми господами. Аристархычу и былъ отданъ приказъ, чтобы онъ не препятствовалъ крестьянамъ пользоваться частью барскихъ луговъ, цѣлымъ вагономъ и лѣсомъ для отопленія избъ и разныхъ мелкихъ подѣлокъ. Марѳинцы такъ привыкли ко всѣмъ этимъ льготамъ, что считали, что пользуются ими на законномъ основаніи; имъ и въ голову не приходило никогда, что можетъ случиться такъ, что господа въ одно прекрасное время могутъ лишить ихъ всѣхъ этихъ привелегій. Пока не было господъ, конечно, не мало причины марѳинцамъ и думать объ этомъ, но вотъ разнесся слухъ

о пріѣздѣ генеральши и невольно у всѣхъ въ головѣ колом стал вопрос: оставит ли генеральша по пріѣздѣ своемъ въ имѣніи прежнія льготы за крестьянами или лишитъ ихъ.

Долго толковали объ этомъ крестьяне и крестьяне на улицѣ, наконецъ вниманіе ихъ было привлечено густыми столбами пыли, поднявшимися на дорогѣ и все ближе и ближе подходившими къ деревнѣ.

Дорога была проселочная, мало проѣзжая и потому стукъ всякаго экипажа невольно привлекалъ вниманіе мареинцевъ. «Кто бы это такой могъ быть?» думали мареинцы, глядя на приближающіеся къ нимъ столбы пыли. Но вотъ отвѣтъ на ихъ вопросъ получился: всѣ ясно увидѣли, что къ деревнѣ подъѣзжалъ господинъ управляющій Аристархычъ.

— Здорово, ребятишки! Что собрались? О чемъ толкуете? Небось о пріѣздѣ генеральши Анны Алексѣевны.

— О ней о ней о самой, кормилецъ Леонидъ Аристарховичъ! — отвѣчалъ дѣдушка Онисимъ, выходя впередъ и низко кланяясь управляющему. — Скажи на ми-

лость: былъ я вотъ недавно въ городѣ, а тамъ на всѣхъ перекресткахъ говорятъ, что пріѣдетаі молъ скоро къ намъ генеральша, правду ли толкуютъ въ городѣ?

— Правда, правда! — отвѣчалъ управляющій, — я самъ вотъ только что получилъ отъ нея письмо. Обѣщаетъ быть на той недѣлѣ и велитъ приготовить все къ ея пріему. Я вотъ за этимъ и пріѣхалъ къ вамъ, православные. Сами знаете, что приготовить надо все, какъ слѣдуетъ, вѣдь никто нибудь пріѣдетъ то, а у меня всего на всего только два постоянныхъ работника имѣеть, работы же теперь съ этими приготовленіями къ пріему пропасть; такъ надо было бы мнѣ недѣльки на полторы принанять человѣкъ пятокъ работниковъ. Вѣдь не въ городъ же ѣхать за ними, да и Богъ знаетъ еще на кого нарвешься въ городѣ; васъ же я всѣхъ знаю хорошо. Такъ не найдется ли у васъ на это время человѣкъ пятокъ свободныхъ. У меня теперь по работѣ горячка и я заплачу хорошо!

— Время то теперь по работѣ очень спѣшное, а то бы мы съ удовольствіемъ, самъ знаешь теперь самая страда по

крестьянскому дѣлу!—начали было говорить нѣкоторые изъ крестьянъ; но тутъ опять выступилъ впередъ дѣдушка Онисимъ и его старческій голосъ покрылъ голоса говорившихъ крестьянъ.

— Что? Что вы говорите, безсовѣстные? Да есть ли хоть какой нибудь стыдъ у васъ въ глазахъ? Да боитесь ли вы Бога?! Слишкомъ двадцать лѣтъ отцы ваши и сами вы пользовались господскою милостью; а теперь, въ такое-то время насъ просятъ недѣльку поработать на господъ, и вы отговариваетесь! Грѣховодники! креста на васъ нѣтъ! Будь покоенъ, Аристархычъ,—продолжалъ дѣдушка Онисимъ,—будутъ у тебя работники съ завтрашняго же дня; а что ты говорилъ про то, что ты хорошо заплатишь, то напрасно ты сказалъ это. Будутъ у тебя работники и безо всякой платы. Грѣхъ намъ брать плату за пустяковую работу съ такихъ господъ, какъ наши. Охотниковъ работать не найдется, такъ мы соберемъ сходку, да назначимъ очередь. А я такъ своего Ванюшку тебѣ безо всякой очереди отдаю на всѣ полторы недѣли; бери его хоть сейчасъ. Пусть поработаетъ онъ за

тѣ милости, которыми пользовался его отецъ, а теперь пользуюсь я, его дядя!

— Бабъ тоже немного надо бы! — продолжалъ говорить управляющій: придется кое гдѣ подмыть!

— Будь покоенъ! будь безъ сумненія, Леонидъ Аристарховичъ, будутъ и бабы, сколько тебѣ угодно.

— А, что, братцы, вѣдь и правду говоритъ дѣдушка Онисимъ, — раздались голоса въ толпѣ крестьянъ. — Вѣстимо, правду! Спасибо дѣдушка Онисимъ, надоумилъ ты насъ, разсудилъ, нечего сказать! Повсему видно, что человѣкъ бывалый и грамотный.

— Такъ стало быть завтра утромъ мнѣ васъ ждать къ себѣ? спросилъ Леонидъ Аристарховичъ.

— Конечно! Конечно! Придемъ! — отвѣчали ему на этотъ разъ многочисленные голоса изъ толпы.

Успокоенный управляющій поблагодарилъ крестьянъ и уѣхалъ; а крестьяне еще долго стояли на улицѣ, благодаря Онисима и рѣшая, кому завтра выходить на работу въ барскую усадьбу.

III.

Не успѣлъ Иванъ уснуть какихъ нибудь двухъ часовъ, какъ почувствовалъ, что его кто то будитъ, толкая въ бокъ и тряся за шиворотъ. Иванъ сталъ прислушиваться и услыхалъ голосъ своего дяди.

— Иванъ? Ваня, Ванюша? Вставай! — говорилъ дѣдушка Онисимъ, будя своего племянника.

— А, что? Что такое? — спрашивалъ съ просонья Иванъ, позабывъ, что Матреша уже предупреждала его о томъ, что дядя пошлетъ на работу въ барскую усадьбу.

— Вставай ка, голубчикъ, дѣло есть! — говорилъ дядя.

Иванъ всталъ и началъ протирать лицо кулаками.

— Какое дѣло, дяденька, что ты меня такъ рано поднялъ?

— Да, я, Ваня, и позабылъ тебѣ, ска

вать, что тебѣ надо будетъ съ сегодняшняго дня итти на работу въ барскую усадьбу, тамъ ты пробудешь недѣли съ полторы: а тутъ попробую управитсья съ Домной, если же будетъ какая неустойка, то я, можетъ быть, и принайму кого-нибудь. Одѣвайся да и иди скорѣе въ избу къ Захару Пинкратьеву, тамъ хотѣли собраться всѣ ребята которые пойдутъ вмѣстѣ съ тобою; всѣхъ то васъ пойдетъ человѣкъ пять. Скорѣе, Ваня, тамъ небось ждутъ тебя.

Иванъ торопливо одѣлся, умылся, помолился Богу и затѣмъ, обращаясь къ дѣдушкѣ Онисиму, спросилъ:

— А харчи-то, дядя, брать что-ли, или на барскихъ буду?

— Возьми пока одинъ только завтракъ; а къ обѣду я побываю въ усадьбѣ и узнаю, если надо имѣть свои харчи, то мы тебѣ сегодня же и привеземъ.

Иванъ завернулъ въ чистую тряпку порядочный ломоть чернаго хлѣба, положилъ въ карманъ два печеныхъ яйца и еще разъ помолившись Богу и простившись съ дядей, вышелъ изъ дому.

Было не только очень прохладно, но

прямо таки холодновато, какъ бываетъ иногда по утрамъ въ самые жаркіе дни, и Иванъ чуть-ли не бѣгомъ добѣжалъ до дома Захара Панкратьева, гдѣ его дѣйствительно, поджидала уже компанія молодежи, собравшаяся итти на работу въ барскую усадьбу. Смѣхъ и шутки встрѣтили подходящаго Ивана, котораго къ слову сказать, любили всѣ деревенскіе парни.

— Что такъ долго? Мы было уже думали безъ тебя итти! кричали ему товарищи.—Ишь вѣдь какая соня! Не могъ развѣ встать пораньше.

— Пожалѣйте его, братцы, онъ я думаю и легъ-то только съ третьими пѣтухами! — громко крикнулъ какой то парень,—а то небось все сидѣлъ съ своей Матрешей.

Компанія дружно расхохоталась, густая краска покрыла лицо стыдливаго Ивана и онъ едва только могъ отвѣтить товарищамъ: «Дядя мнѣ вчера позабылъ сказать, что сегодня итти на работу въ барскую усадьбу и только сейчасъ разбудилъ меня».

— Ну, идемте, ребята! Чѣмъ тутъ то

разговаривать, поговоримъ лучше на дорогѣ!

И всѣ они смѣясь и шутя пошли по дорогѣ къ барскому имѣнію. До имѣнія было версты три, и молодые парни не замѣтили, какъ черезъ какія-нибудь полчаса были уже на барскомъ дворѣ.

Не смотря на ранній часъ утра, управляющій Леонидъ Аристарховичъ былъ уже на ногахъ и съ радостью встрѣтилъ пришедшихъ къ нему рабочихъ, которые такъ были нужны ему въ это время.

— Здравствуйте, братцы, здравствуйте! Спасибо, что не забыли и пришли, а это что такое за узелки вы принесли съ собою? спросилъ онъ, увидѣвъ у всѣхъ парней узелки, въ которыхъ былъ завернутъ хлѣбъ и разный приварокъ.

— А это, Леонидъ Аристарховичъ, мы захватили изъ дома харчей! — отвѣчалъ кто-то изъ парней.

— Напрасно, напрасно! Вы меня просто обижаете этимъ! Неужели же вы думаете, что я васъ тутъ буду морить съ голода. Не безпокойтесь: найдется и хлѣбца, и говядинка, и водочки будетъ. Много не будетъ, а передъ обѣдомъ ужъ

непремѣнно. Да, не слыхали-ли вы, придутъ-ли бабы?

— Захаръ Панкратьичъ наказывалъ передать вамъ, — отвѣчалъ одинъ изъ парней, — что бабы непремѣнно будутъ, какъ вы приказали, часамъ къ девяти.

— Ну, вотъ и отлично! вотъ и отлично! — восклицалъ Леонидъ Аристарховичъ и тутъ же приказалъ пришедшимъ парнямъ итти и расчищать вѣковой, тѣнистый паркъ, находившійся при барскомъ домѣ. Лопаты, грабли кому что надо будетъ, — кричалъ Леонидъ Аристарховичъ вслѣдъ уходящимъ парнямъ, — вы берите въ сараѣ у прикащика Мартына: у него этого добра, сколько угодно, пожалуй на всю вашу деревню хватитъ.

Быстро принялись парни за работу и она закипѣла въ ихъ привычныхъ къ труду, мозолистыхъ рукахъ. Тѣмъ успѣшнѣе шла впередъ ихъ работа, что работать въ тѣни густыхъ деревьевъ, ощущая ароматный запахъ цвѣтовъ, во множествѣ растущихъ въ паркѣ было очень пріятно, особенно послѣ того, какъ парни работали послѣднее время на сѣнокосѣ, на совершенно открытомъ лугу, подвергаясь силь-

нѣйщей жарѣ отъ лучей палящаго іюльскаго солнца. Никто не чувствовалъ еще никакой усталости, какъ раздался звонокъ, который возвѣщалъ, что пора идти на кухню завтракать. Передъ обѣдомъ пришелъ, какъ обѣщалъ, провѣдать Ивана дѣдушка Онисимъ.

— Напрасно только приходилъ, дядя, харчъ тутъ господскій и какъ надо думать, кормить будутъ очень хорошо, работа тоже не очень трудная, а главное то хорошо, что въ прохладѣ! Не знаю, управитесь ли вы тамъ, а мнѣ тутъ будетъ очень хорошо!

— Ну и дай Богъ! — отвѣчалъ Онисимъ, — а объ насъ ты и не думай, если ужъ очень не подъ силу будетъ, то я ужъ говорилъ тебѣ, что мы кого нибудь приймемъ.

Обѣдъ былъ приготовленъ на славу, такой обѣдъ, какой въ крестьянскихъ семьяхъ приготовляется только по праздничнымъ днямъ; передъ обѣдомъ была предложена водка, а послѣ обѣда полагался цѣлый часъ отдыха.

Да вѣдь это, братцы, мы тутъ не работаемъ, а просто на просто празднуемъ;

я бы такъ-то работать согласился цѣлый вѣкъ безъ перерыву.

— Вальяжно, что и говорить!

— Какъ бы намъ тутъ побольше побыть, такъ мы бы во какія брюхи наростили!

Весело, а подъ конецъ дня даже съ громкими пѣснями работали парни въ паркѣ генеральши Курдюмовой. Леонидъ Аристарховичъ радовался, видя какъ быстро подвигается дѣло и все болѣе и болѣе одобрялъ парней. Не прошло и пяти дней, какъ громадный барскій паркъ былъ приведенъ въ такой видъ, что глядя на него можно было бы подумать, что онъ долгое время каждый день пользовался уходомъ со стороны опытныхъ и рачительныхъ садовниковъ. Послѣ уборки парка было еще много дѣла по уборкѣ двора и комнатъ, но и эта работа также закипѣла въ рукахъ довольныхъ управляющимъ парней. Въ концѣ концовъ случилось такъ, что все въ домѣ и въ усадьбѣ было готово къ принятію ея владѣлицы дня за полтора до назначеннаго ею срока ея пріѣзда. Парни, увидѣвъ, что все уже

окончено, поблагодаривъ управляющаго хотѣли было уже уходить. Но Леонидъ Аристарховичъ удержалъ ихъ, сказавъ имъ: спасибо, братцы, за то, что вы помогли мнѣ и исполнили все, о чемъ я васъ просилъ; но вы погодите уходить, я представлю васъ самой генеральшѣ, ей пріятно будетъ видѣть тѣхъ людей, которые изъ за любви и уваженія къ ней постарались сдѣлать пріятное для нея къ ея пріѣзду. Я вѣдь не скрывалъ отъ ея превосходительства Анны Алексѣевны, въ какомъ видѣ находится паркъ, дворъ и домъ, и она несказанно удивится, когда, пріѣхавъ сюда, увидитъ здѣсь все въ такой чистотѣ и въ такомъ образцовомъ порядкѣ! Пока же для васъ найдется кое-какая мелкая работа по хозяйству.

Парни, выслушавъ слова Леонида Аристарховича, очень охотно согласились остаться: тѣмъ болѣе, что всѣхъ ихъ подмывало любопытство поглядѣть на барыню, которую не только они, но и отцы ихъ никогда еще не видали и въ рукахъ которой была значительная доля благосостоянія мареинскихъ крестьянъ, такъ какъ она одна только могла или продолжить

тѣ льготы, которыми до сихъ поръ пользовались кресгьяне, или лишить мареинцевь этихъ льготъ.

Полтора дня, дѣйствительно, прошли въ исполненіи различныхъ мелкихъ работъ по дому и, наконецъ, настало съ нетерпѣніемъ поджидаемое всѣми время пріѣзда генеральши Курдюмовой. Еще рано утромъ въ этотъ день всѣ лошади, бывшія въ имѣніи были отправлены на ближайшую станцію, выѣхалъ тудаже и Леонидъ Аристархoвичъ.

Прикащики и рабочіе ждали его возвращенія вмѣстѣ съ господами до вечера; и вотъ вечеркомъ, сидя за воротами усадьбы, всѣ услыхали звуки далекаго колокольчика. Звуки эти все приближались и приближались по направленію къ усадьбѣ, всѣ встрепенулись и невольно оправились. Черезъ нѣкоторое время къ усадьбѣ подкатилъ сначала шарабанъ Леонида Аристарховича, потомъ обширная дорожная карета господъ; а за нею небольшая телѣжка, въ которой вся почти что заваленная грудою узловъ, узелковъ и картонокъ сидѣла какая то миловидная дѣ

вушка съ съ довольно бойкимъ выраженіемъ лица.

Господская карета подъѣхала къ главному крыльцу дома и всѣ присутствующіе такъ и впились въ нее глазами, желая получше разглядѣть пріѣхавшихъ господъ. Соскочилъ лакей, сидѣвшій на козлахъ рядомъ съ кучеромъ, отворилъ дверцу кареты и не успѣлъ онъ подать руку, какъ изъ кареты, не нуждаясь въ его помощи выпорхнула, какъ рѣзвая птичка, молоденькая, высокая, стройная барышня. Выпорхнувъ изъ кареты, она пробѣжала двѣ, три ступеньки крыльца и затѣмъ остановилась, оглядывая всѣхъ собравшихся и кланявшихся ей крестьянъ и крестьянокъ: съ минуту поглядѣла она на нихъ, потомъ крикнувши имъ «здравствуйте», и почему-то громко разсмѣявшись она убѣжала въ домъ.

За барыней уже при помощи лакея вышла изъ кареты барыня Анна Алексѣевна, она была очень невысокаго роста и отличаясь порядочною дородностью, напоминала собою что то шарообразное. Лакей ввелъ ее на самый верхъ крыльца, она остановилась, перевела духъ и оки-

нувъ взоромъ низко ей кланяющихся крестьянъ, сама также поклонилась имъ и обратившись къ нимъ, сказала: «здравствуйте, голубчики, устала я съ дороги то не могу говорить съ вами теперь; поговоримъ завтра!» Сказавъ это, Анна Алексѣевна вошла въ домъ.

Крестьяне, постоявъ немного и посмотрѣвъ, какъ бойкая дѣвушка, пріѣхавшая на тележкѣ и оказавшаяся потомъ горничной втаскивала въ домъ при помощи лакея привезенные ею узлы и узелки, отправились въ людскую избу и стали тамъ ждать распоряженій Леонида Аристарховича. Долгонько не приходилъ на этотъ разъ управляющій, занятый, должно быть, или бесѣдою съ господами, или какими-нибудь хлопотами въ барскомъ домѣ; уже рабочимъ подали ужинъ, когда, наконецъ, Леонидъ Аристарховичъ вошелъ къ нимъ.

— Хлѣбъ да соль, братцы! — весело сказалъ онъ, входя въ людскую.

— Милости просимъ хлѣба соли кушать!

— Ну ребята, говорите слава Богу; барыня, по всему видно, что добрая и

привѣтливая. Всѣмъ осталась очень довольна и сама хочетъ завтра поблагодарить васъ, вы уже переночуйте опять здѣсь.

— Что-жъ!.. отчего не переночевать!.. Переночуемъ!—отвѣчали крестьяне и поужинавъ да вдоволь наговорившись о впечатлѣніи, которое произвели на нихъ пріѣхавшіе господа, они крѣпко заснули здоровымъ сномъ рабочихъ людей.

IV.

Парни, оставшіеся ночевать въ барской усадьбѣ, проснулись какъ обыкновенно просыпается лѣтомъ рабочій, крестьнскій людъ, очень рано и рѣшительно не знали, что имъ дѣлать. Сидѣть же безъ дѣла надоѣло людямъ привыкшимъ къ работѣ; на бѣду утро выдалось сѣренькое и моросилъ мелкій дождь, такъ что отъ этакой погоды того скучнѣе дѣлалось парнямъ, Леонидъ Аристарховичъ еще не просыпался, нѣкоторые же изъ прикащиковъ хотя и проснулись, но не только не

могли дать работы ожидавшимъ ее парнямъ а и сами, не зная что дѣлать до пробужденія Леонида Аристарховича, безцѣльно бродили по широкому господскому двору.

Но вотъ скоро нашлась работа для всѣхъ, во дворъ въѣхали нѣсколько возовъ съ барскою мебелью и другими вещами: дождь же не только не прекращался, но становился все сильнѣе и сильнѣе, такъ что уже для всѣхъ безъ всякаго приказанія стало понятно, что не мѣшало бы убрать барскую мебель и всѣ прибывшіе на возахъ вещи въ сарай чтобы не подвергать ихъ вліянію дождливой погоды Всѣ охотно принялись за разгрузку возовъ за уборку прибывшихъ вещей въ сарай.

Эта работа не смотря на то, что всѣ принялись за нее очень охотно, не особенно-то подвигалась у работающихъ; а причиною этому было множество невиданныхъ крестьянами и диковинныхъ для нихъ вещей бывшихъ на возу. Всякій разъ, какъ кто нибудь натыкался на такую вещь, онъ подзывалъ къ себѣ товарищей и всѣ они вмѣстѣ разсматривали диковинку.

Проснулся и Леонидъ Аристарховичъ, проснувшись онъ вышелъ на дворъ и увидавъ чѣмъ заняты рабочіе, похвалилъ ихъ за ихъ смѣтлость и расторопность, но только не вѣлѣлъ заставлять далеко привезенныя вещи.

— Все равно, говорилъ онъ: какъ только проснутся господа, то намъ придется эти вещи перетаскивать въ домъ.

Рабочіе позавтракали и сидя на крыльцѣ, поджидали пробужденія господъ, чтобы заняться перетаскиваніемъ вещей изъ сарая въ комнаты какъ вдругъ дверь на барскомъ крыльцѣ разстворилась и оттуда выбѣжала та молоденькая горничная, которая вчера пріѣхала съ господами. Выбѣжавъ на крыльцо, она оглядѣла дворъ, а затѣмъ кокетливо подбирая юбки подбѣжала къ сидѣвшимъ около крыльца рабочимъ. Всѣ приподнялись и поклонились ей.

— Это людская-то у васъ? — спросилъ онъ, ни къ кому особенно не обращаясь.

— Это самая и будетъ людская, барышня! Эта самая! отвѣчали ей нѣкоторые изъ крестьянъ.

Горничная вскочила въ людскую, повертѣлась тамъ нѣкоторое время и затѣмъ выбѣжавъ оттуда, опять обратилась къ продолжавшимъ сидѣть на крыльцѣ рабочимъ.

— Что же у васъ никого нѣтъ въ людской?

— Да кому же, барышня и быть тамъ Были мы, а вотъ вышли оттуда на свѣжій воздухъ и сидимъ тутъ!

— Какъ же это быть? Скоро проснутся господа, будутъ чай кушать, а я не знаю, гдѣ добыть сливокъ. Вы тутъ постоянно, работаете вы здѣшніе?

На этотъ разъ горничной сталъ отвѣчать Иванъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, нѣтъ, барышня, мы не здѣшніе и работаемъ тутъ только временно, а сами мы будемъ изъ Марьина деревенька такая есть верстахъ въ трехъ отсюда. а если вамъ надо сливокъ, то вы скажите управляющему Леониду Аристарховичу, или кому нибудь изъ приказчиковъ, они теперь въ конторѣ, или, если потрудитесь, то сбѣгайте сами на скотный дворъ: это будетъ всего лучше. Такъ вы увидете скотницу, Марью

и возьмете у нея чего и сколько вамъ угодно.

Пока Иванъ держалъ этотъ отвѣтъ, бойкая горничная въ упоръ глядѣла на него своими большими черными глазами.

По всему видно было, что видъ красиваго статнаго Ивана произвелъ большое впѣчатлѣніе на городскую модницу и она задумала пококетничать немного съ Иваномъ и испытать на немъ силу своихъ чаръ.

— Ахъ вы говорите: на скотномъ дворѣ, но вѣдь, я же только пріѣхала и не знаю поэтому, гдѣ у васъ тутъ скотный дворъ.

— А это вотъ, какъ пройдете барскій домъ такъ возьмите немного вправо, увидите такую узенькую тропинку, по ней идите, она васъ прямо на скотный дворъ и приведетъ! — объяснилъ горничной Иванъ.

— Нѣтъ? нѣтъ! замахала руками горничная, мнѣ ни за что не найти такъ. Какъ это такой; пройти барскій домъ, да тамъ на право да тамъ тропинка? Я такъ заблужусь, громко захохотала она. Нѣтъ! Ужъ вы лучше проводите меня!

Ивану никогда не приходилось видеть вблизи такихъ разряженныхъ дѣвушекъ;

смущенно онъ глядѣлъ на ея шикарное, по модному сшитое платьице, на завитушки ея волосъ прихотливыми кольцами игриво вьющіяся у нея на лбу и даже на ея городскія совершенно открывавшія маленькую ножку ботинки. Когда же онъ услыхалъ ея просьбу проводить его до скотнаго двора, то сразу весь вспыхнулъ и ничего не говоря, пошелъ впередъ, шагая быстрыми широкими шагами по травѣ, смоченной недавнымъ дождемъ.

— Вы очень скоро идете. Мнѣ не поспѣть за вами, — щебетала за нимъ своимъ тоненькимъ голосомъ горничная.

Иванъ замѣдлилъ свои шаги, но все таки старался быть впереди горничной и избѣгалъ того, чтобы глаза ихъ встрѣтились.

Однако горничная, какъ видно, очень хотѣла стрѣльнуть своими глазами въ Ивана; она обогнала его и безцеремонно заглядывая въ его полуопущеное лицо, спросила:

— Вы сказали, изъ какой вы деревни?

— Изъ деревни Мароиной,—застѣнчиво отвѣчалъ Иванъ.

— Изъ Мароиной!—протянула горнич-

ная: а далеко это будетъ отъ барскаго дома.

— Нѣтъ! версты три! Пожалуй и того не будетъ.

— А какъ васъ звать?

— Иваномъ!

Неужели же только Иваномъ? Вѣдь есть же у васъ, я думаю, отецъ?

— Нѣтъ, отца у меня нѣтъ; онъ умеръ давнымъ давно!

— Ну такъ все-таки былъ. Какъ же васъ зовутъ по отчеству. Я вотъ къ чему спрашивала объ отцѣ.

— По отчеству я называюсь Петровымъ.

— А, что, Иванъ Петровичъ, вы женатый или холостой?

— Поди, небось, скоро женитесь! Я думаю у васъ уже много нѣвестъ на примѣтѣ есть,—продолжала заигрывать съ краснѣющимъ отъ волненія и застѣнчивости Иваномъ бойкая и лукавая горничная.

— Рано еще жениться то!—едва могъ отвѣтить Иванъ.

— Который же вамъ годъ пошелъ?

— Да съ Покрова девятнадцать двадцатый. А вотъ и скотный дворъ, барыш-

ня отвѣчалъ Иванъ, указывая ей на деревянную калитку скотнаго двора. Онъ съ трудомъ отдышался радуясь, что ему удалось таки отвязаться отъ словоохотливой горничной. Но та хотѣла еще поговорить съ нимъ и уже вставъ въ самой калиткѣ, говорила:

— Вы больше не зовите меня теперь барышней. Мы теперь съ вами знакомы, а знакомые не говорятъ такъ другъ другу. Я знаю ваше имя, а мое имя Вѣра — Вѣра Павловна! Спасибо вамъ — и она захлопнула калитку, скрылась на скотномъ дворѣ.

Иванъ былъ очень радъ, что избавился, наконецъ, отъ роли провожатаго и собѣсѣдника и чуть ли не бѣгомъ пустился къ оставленнымъ имъ товарищамъ:

— О чемъ ты съ нею толковалъ! спросили его товарищи.

— Да, распрашивала все меня, откуда я да далеко ли наша деревня отъ господскаго двора.

— А про господъ разговору никакого не было?

— Нѣтъ, про господъ слова не сказала!

Послѣ того, какъ господа отпили чай,

рабочіе занялись перетаскиваніемъ вещей изъ сарая въ домъ и установкою ихъ по комнатамъ. Здѣсь уже командиромъ и распорядительницей ихъ явилась бойкая горничная Вѣра, какъ разстоновка вещей по комнатамъ производилась подъ ея наблюденіями и по ея указаніямъ. Изрѣдка только дѣлала свои замѣченія сама генеральша Анна Алексѣевна, дочь же ея Клавдія Александровна только и дожидалась того, когда въ ея комнату внесутъ фортопіано. Дождавшись же его она засѣла за него и не показывалась въ другіе комнаты до самаго окончанія уборки.

Весело покрикивала Вѣра на работающихъ крестьянъ, но болѣе всего обращала вниманіе на красиваго Ивана и даже къ великому его смущенію раза два ущипнула его.

Уборка комнатъ кончилась. Леонидъ Аристарховичъ собралъ работавшихъ крестьянъ передъ крыльцомъ барскаго дома и объявилъ имъ, что барыня желаетъ говорить съ ними. Вскорѣ вышла на крыльцо и Анна Алексѣевна.

— Спасибо вамъ, голубчики, что вы помогли Леониду Аристарховичу приго-

товить   къ моему пріѣзду, а еще больше спа о за то что міръ не хотѣлъ брать з эту работу ни какой платы; поблагода те міръ отъ меня и скажите, что я всѣхъ думаю угостить съ пріѣздомъ. Пусть приходятъ ко мнѣ въ это же Воскресенье.

А это вотъ возмите себѣ на чай и подѣлите между собою! — съ этими словами Анна Алексѣевна подала парнямъ нѣсколько кредитныхъ билетовъ.

Поблагодаривъ щедрую барыню, парни весело отправились домой и только отойдя съ версту отъ барскаго дома и убѣдившись, что они теперь не видны оттуда, присѣли на траву около дороги и принялись считать деньги, полученныя ими на чай отъ Анны Алексѣевны.

Къ ихъ радости и удивленію подарокъ генеральши былъ такъ щедръ, что превосходилъ собою самою щедрою плату за все то время, которое провели они въ работѣ на барской усадьбѣ.

V.

Въ Мареинѣ между тѣмъ давно поджидали парней, отправившихся на работу къ генеральшѣ. Когда они возвратились, то вся деревня была въ сборѣ; нѣкоторые еще не кончившіе работъ въ полѣ, увидѣвъ парней кинули свои работы и поторопились поскорѣе въ деревню, чтобы узнать, что новаго принесли возвратившіеся работники.

Какъ и всегда вся деревня не исключая даже и ребятишекъ собрались около избы дѣдушки Онисима и вела оживленные разговоры. Были тутъ же не отставая отъ другихъ и Аксинья съ Матреной.

— Хорошая барыня, что и говорить, разсказывали парни собравшейся толпѣ, намъ теперь можно быть покойными, потому что не вѣрится что то, чтобы она при такомъ добромъ характерѣ могла отнять отъ насъ, то чѣмъ мы до сихъ поръ пользовались Сами подумайте, вотъ, говоритъ, вамъ на чай! А какой это выходитъ „на чай", когда вся наша работа

то, какъ хочешь ее цѣни, не стоитъ этихъ денегъ. И васъ благодарить велѣла и всѣхъ звала къ себѣ въ это воскресенье!

— Это выходитъ, стало быть, какъ будто на новоселье? спрашивали въ толпѣ.

— Ну, да! Прямо такъ и сказала, что угощать будетъ!

— Да, по всему видно, что славная и добрая барыня! Теперь такія на рѣдкость! раздавались голоса крестьянъ. Коли у ней такой характеръ то врядъ ли она будетъ обижать насъ и намъ стало быть теперь можно будетъ спать спокойно!

Долго еще говорили крестьяне около избы дѣдушки Онисима, наконецъ, вполнѣ успокоившись и благословляя въ душѣ добрую Анну Алексѣевну они разошлись по домамъ и поужинавъ покойно уснули.

Матрена и Иванъ, незамѣченные никѣмъ во время общаго оживленнаго разговора, успѣли переговорить между собою и условились увидаться на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ они видѣлись обыкновенно.

Пришелъ домой и дѣдушка Онисимъ и усѣвшись за столъ вмѣстѣ съ Иваномъ велѣлъ Домнѣ собирать ужинъ: за ужи-

номъ, какъ и слѣдовало ожидать, разговоръ велся тоже преимущественно о барской усадьбѣ о тамошнихъ работахъ и о пріѣхавшихъ господахъ.

Иванъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца ужина чтобы потомъ, показавъ видъ, что онъ идетъ спать, выйти на свиданіе съ Матрешей. Ужинъ, наконецъ, кончился старики, помолись Богу улеглись спать, и Иванъ на заранѣ условленное мѣсто свиданія.

Матреша была уже тамъ и [illegible]идала его.

— Милый, что же ты сег[illegible] такъ долго? Я совсѣмъ было заждал[illegible]ебя говорила она обнимая Ивана.

— Да, все разговаривали о господахъ и потому долго не кончали ужинать, — отвѣчалъ ей Иванъ, беря ее въ свои объятія.

Они сѣли опять подъ липу, молчаливую свидѣтельницу изъ любовныхъ разговоровъ, и обнявъ другъ друга, начали говорить:

— Хорошо, небось, тамъ у господъ?— спрашивала Матреша.

— Ахъ, какъ хорошо! — отвѣчалъ ей

Иванъ: —я кажется бросилъ бы и хозяйство свое и ушелъ къ нимъ въ работники, если бы зналъ, что всегда было бы такъ, какъ было теперь. Работа легкая, харчи такіе, что у насъ только по праздникамъ бываютъ и заплатили такъ хорошо, такъ хорошо что сказать другому, такъ не повѣритъ! Затѣмъ Иванъ началъ разсказывать о всемъ, что онъ видѣлъ интереснаго въ усадьбѣ: описалъ Матрешѣ видъ всѣхъ барскихъ комнатъ, много говорилъ о вещахъ которыя ему пришлось переносить, особенно о фортопіано, называя его „чуднымъ ящикомъ съ музыкой", описывалъ ей наружность Анны Алексѣевны и Клавдіи Александровны, но почему-то ни слова ни сказалъ ей о горничной Вѣрѣ, о томъ, какъ провожалъ ее на скотный дворъ и о томъ, какъ она дважды ущипнула его, когда парни подъ ея руководствомъ устанавливали мебель въ барскихъ комнатахъ. Почему-же онъ ничего не упомянулъ Матрешѣ о горничной Вѣрѣ?

Да, и самъ Иванъ въ это время не могъ дать себѣ отчета въ томъ, почему онъ промолчалъ объ этомъ.

Между тѣмъ Анисья, вотъ уже три дня какъ подливала потихохоньку отъ Матреши въ пищу и питье ея настой той травки, которую она получила отъ колдуна Черной Кошки. Къ удивленію и великой радости Аксиньи настой этой травки началъ какъ будто оказывать свое дѣйствіе. Хотя Аксинья и видѣла, что ея дочь продолжаетъ попрежнему только и думать, что объ Иванѣ и попрежнему старается проводить съ нимъ все свободное время однако случилось одно обстоятельство, которое очень порадовало Аксинью и которое она приписала исключительно чудесному дѣйствію травки, полученной ею отъ Черной Кошки.

Какъ то Аксинья нѣсколько занедужилось, въ полѣ не было особенныхъ спѣшныхъ работъ и потому она разсудила остаться дома и отдохнуть, а въ поле послала только одну Матрешу. Оставшись одна, Аксинья легла на лавку и начала думать думку, которая только одна и была у ней въ послѣднее время; она думала, поможетъ ли и если поможетъ, то скоро ли трава, данная ей Черною Кошкою. „Вотъ, думала бѣдная женщина, —

мнѣ теперь немного понездоровилось, хорошо еще что захворала я слегка только и въ полѣ нѣтъ спѣшныхъ работъ, но чтобы было еслибы я захворала серьезно да къ этому появились бы и спѣшныя работы на полѣ. Пропадать тогда надо было бы! Нѣтъ плохо по крестьянскому дѣлу быть въ хозяйствѣ безъ мужика. Скоро ли Богъ приведетъ мнѣ выдать за мужъ Матрешу, успокоила бы я себя, да и ей то глупой было бы покойнѣе за мужемъ. Поможетъ ли мнѣ Черная Кошка.

Только что Аксинья успѣла подумать это, какъ услыхала, что дверь въ избу отворяется и услыхала голосъ: чтой-то, Аксиньюшка, или ты сегодня не пошла въ полѣ? никакъ убралась совсѣмъ?

И въ избу вошла кривая Агафья, соседка Аксиньи.

— Нѣтъ, касатка, куда убраться еще! вонъ гдѣ мужики работаютъ и тамъ не убрались, а не пошла я потому, что нездоровится мнѣ сегодня что то.

— Что съ тобою? Или думаешь расхвораться?

— Нѣтъ, пока Богъ милостивъ, самая пустяковая боль: голова болитъ, да бокъ

немного ломитъ: если бы работа была поспѣшнѣе, я не утерпѣла и пошла бы въ полѣ, работать то могу!

— Ну слава Богу! А я, касатка къ тебѣ пришла по одному дѣлу поговорить съ тобою!

— Садись, Агафьюшка, около меня, садись, и поговоримъ!

— Видишь ли что, начала Агафья, садясь на другую лавку въ головахъ Аксиньи, ты небось знаешь Прохора, покойнаго Никиты Петровича сына, что еще въ солдатахъ былъ?

— Ну, вотъ еще! Какъ же не знатъ! Вѣдь мы почти, сосѣди!

— Такъ вотъ, Прохора то сдали въ солдаты, отецъ его въ это время умеръ, а мать то ты, сама знаешь, давнымъ давно уже на томъ свѣтѣ. Кончилъ Прохоръ солдатчину, приходитъ домой, думаетъ принятся за хозяйство, анъ глядь, ему и взятся не за что. Все пошло прахомъ: домъ развалился, скотины никакой да чего? путевой, въ дѣло годной сохи или бороны нѣтъ. Махнулъ тогда Прохоръ съ горя на все рукою и пошелъ въ городъ, тамъ онъ скоро поступилъ въ дворники

къ Саморуковымъ, знаешь, богатѣющіе по нашему городу купцы: торгуютъ хлѣбомъ. Мѣсто очень хорошее, и хозяева Прохора очень любятъ. Только не понутру это мѣсто Прохору, привыкъ онъ къ деревнѣ по крестьянству вѣдь я то ему дальней сродственницей по мужу прихожусь, а потому, когда бываю въ городѣ, то непремѣнно зайду его провѣдать. Ничего! Принимаетъ, какъ слѣдуетъ, и чаемъ угоститъ, и баранками, колбасой, а тутъ что постомъ пріѣзжала такъ онъ и рыбы для меня купилъ.

Вотъ намеднись я заѣхала къ нему, мы и разговорились! я ему и говорю: хорошее, молъ, тебѣ житье здѣсь, Прохорушка, у богатыхъ то хозяевъ; а онъ мнѣ конечно, говоритъ, Бога гнѣвить нечего и я всегда хозяевами долженъ быть благодаренъ, да только не люблю я города и никакъ не могу къ нему привыкнуть, кинулъ бы сейчасъ я это хорошее мѣсто и отправился бы въ деревню: люблю я очень деревенское хозяйство. Безпремѣнно говоритъ, какъ только накоплю денегъ, то только до тѣхъ поръ въ городѣ меня и видѣли; уѣду, говоритъ, въ деревню: и

заведу свое хозяйство. А то бы женится мнѣ на комъ нибудь, чтобы меня въ домъ взяли, ты бы мнѣ, Агафьюшка, посватала кого-нибудь. Да, кого же желанный, говорю ему я, ровно въ деревнѣ у насъ и нѣтъ такихъ, какихъ тебѣ надо: развѣ ты гдѣ по сосѣдству намѣтилъ такъ я съ удовольствіемъ пойду сватать, потому что человѣкъ ты степенный и такого жениха можно сватать, ни передъ кѣмъ не робѣя.

— Какъ, говоритъ, у насъ въ деревнѣ нѣту. А чѣмъ Матрена Анисимовна мнѣ не невѣста? Самая для меня была бы подходящая: только развѣ мной побрезгуютъ, не согласятся меня въ домъ принять! Ладно, молъ, я повидаю Аксинію и поговорю съ ней. Поговори, попроси пожалуйста, и обѣщай мнѣ если дѣло устроиться, на сарафанъ и шаль подарю. Такъ вотъ я къ тебѣ за коимъ дѣломъ, Аксиньюшка! Что ты мнѣ на это скажешь?

— Охъ, желанный ты мой, спасибо тебѣ за хлопоты. Только вѣдь Прохоръ Никитичъ въ деревнѣ-то давно не былъ и не знаетъ, что моя Матреша завсегда съ Онисимовымъ Иваномъ, хоть и нѣтъ между ними ничего дурного, а зачѣмъ же мы

будемъ обманывать хорошаго человѣка!

— Эва! — воскликнула Агафья: — не знаетъ! да онъ видишь давно ужъ о твоей Матрешѣ думаетъ и всю подноготную о ней узналъ, онъ мнѣ и объ Иванѣ говоридъ. Это, говоритъ, люди молодые дурачатся, дурного, я, говоритъ, знаю между ними нѣтъ, такъ это и не бѣда. А Иванъ, говоритъ, ей все равно не ко двору. Такъ и сказалъ!

— Все это хорошо, Агафьюшка, и я бы, хоть икону сниму, сейчасъ бы съ радостію, отдала свою Матрешу за Прохора Никитича, только не знаю, согласна ли будетъ она приди немного спустя, я потолкую съ Матреной-то, и тогда видно будетъ!

— А ты на нее много не гляди! У дѣвки волосъ долгъ, да умъ короток. Дѣвки-то другой разъ и своей пользы не понимаютъ! — наставительно замѣтила Агафья, и распростившись съ Аксиньей вышла изъ избы.

VI.

Въ избушку лѣсника Федота, прозваннаго въ народѣ колдуномъ Черной Кошкой, въ послѣднее время зачастили посѣтители. То приходили къ нему по дѣламъ любовнымъ, прося приворожить кого-нибудь къ кому-нибудь, или отворожить одного отъ другого то случился въ деревнѣ пожаръ то большой падежъ скота и крестьяне то-и-дѣло бѣгали къ Черной Кошкѣ, который одѣлялъ ихъ разными травами, какія только попадались къ нему подъ руку и которымъ онъ часто не зналъ даже названія. Но легковѣрный народъ продолжалъ вѣрить во всемогущество Черной Кошки и объяснилъ всякую случайность этимъ мнимымъ всемогуществомъ. Но вотъ къ Черной Кошкѣ пріѣхалъ совсѣмъ не ожиданный посѣтитель; посѣтитель этотъ былъ никто иной, какъ управляющій имѣніемъ генеральши Курдюмовой, Леонидъ Аристархoвичъ. Совершенно неожиданно появился онъ въ избѣ лѣсника и спросилъ его, нѣтъ ли чего новаго у него въ лѣсу. „А что жъ у меня тутъ новаго быть?— угрюмо отвѣчалъ ему лѣсникъ, —деревья все тѣ же, какъ стояли, такъ и стоятъ!“

— Ну, коли у тебя нѣтъ ничего новаго, то новое я передамъ тебѣ: къ намъ пріѣхала госпожа, хозяйка этого лѣса генеральша Анна Алексѣевна Курдюмова и хочетъ тебя видить.

— На что я ей понадобился? — также угрюмо отвѣчалъ Черная Кошка, который очень не любилъ выходить изъ лѣса и показываться въ народѣ.

— Ну, ужъ это дѣло ея! А я тутъ не причемъ; такъ ты вотъ завтра и долженъ непремѣнно явиться къ ней. Да ты умойся, да причешись хоть немного, когда пойдешь къ генеральшѣ, а то посмотри-ка вѣдь ты на чорта похожъ того и гляди, что генеральша съ дочкой обомрутъ отъ страха, когда увидятъ такую образину?

— Для кого мнѣ тутъ умываться то? Я ни къ кому не хожу, да и мнѣ никто не нуженъ! — ворчалъ Черная Кошка.

— Такъ помни же: непремѣнно завтра побывай въ барскомъ домѣ, а то Анна Алексѣевна разсердится! — сказалъ Леонидъ Аристарховичъ и вышелъ изъ избушки лѣсника.

Какъ не непріятно было Черной Кошкѣ показываться въ барской усадьбѣ, но дѣ

пать было нечего, онъ очень боялся потерять это излюбленное имъ мѣсто, и поэтому на другое утро. размазавъ по своему лицу грязь холодною водою и поправивъ кое-какъ волоса вмѣсто гребня, своей широкой пятернею Черная Кошка отправился въ барскую усадьбу. Пока онъ шелъ лѣсомъ, шаги его были ровны и увѣренны, но вотъ онъ вышелъ изъ лѣса и походка его сразу измѣнилась, не было уже той увѣренности и ровности въ шагахъ какая была въ лѣсу. Какъ будто этотъ человѣкъ и чувствуетъ себя вполнѣ по себѣ только въ сосѣдствѣ съ волками и медвѣдями! Какъ то робко озираясь, что вовсе не шло къ его могучей фигурѣ, шелъ онъ проселочной дорогой и облегченно вздохнулъ, когда добрался до барской усадьбы, не встрѣтивъ никого по дорогѣ. Войдя на дворъ онъ пошелъ прямо въ людскую, такъ какъ изъ всѣхъ построекъ барскаго двора только и зналъ, что эту людскую, въ которой ему приходилось бывать, когда онъ еще нанимался въ лѣсники.

Войдя въ людскую, въ которой кромѣ рабочихъ было еще двѣ бабы, взятыя изъ

деревни для стирки бѣлья, Черная Кошка ни на образа не перекрестился, ни поздороваться ни съ кѣмъ не поздоровался и не сказалъ завтракающимъ въ это время обычнаго «хлѣбъ соль» а не говоря ни слова пошелъ въ самый дальній уголъ и сѣлъ тамъ за печкой. Находившіеся въ людской всѣ знали, Черную Кошку, они молча переглянулись другъ съ другомъ и стали скорѣе кончать свой завтракъ, чтобы скорѣе избавиться отъ столь непріятнаго сосѣдства.

Но бабы, какъ извѣстно, народъ очень любопытный и потому хотя двѣ находившіяся въ людской избѣ прачки, опасались Черную Кошку гораздо болѣе нежели мужики, однако мучимыя и подвигаемыя любопытствомъ, онѣ не утерпѣли, чтобы не спросить колдуна, зачѣмъ онъ пришелъ.

— Здравствуй, Өедотушка! Здравствуй родимый, —начала одна изъ бабъ.

Колдунъ сидѣлъ молча, какъ волкъ, прижатый въ уголъ и ничего не отвѣчалъ на привѣтствіе бабы.

— Почто, Өедотушка, пришелъ сюда, спросила другая баба, надѣясь, должно быть, что Черная Кошка будетъ къ ней

милостивѣе, чѣмъ къ ея подругѣ и отвѣтить на ея вопросъ.

— Что каркаешь, проклятая, пошла вонъ! — прошипѣлъ на бабу колдунъ и при томъ такимъ страшнымъ голосомъ и съ такимъ страшнымъ выраженіемъ лица, что обѣ бабы моментально выскочили изъ избы, какъ ошпаренныя.

Вѣсть о томъ, что въ барскій домъ явился колдунъ и сидитъ въ людской избѣ, мигомъ разнеслась по всему дому и при этомъ извѣстіи нѣкоторые крестились и отплевывались, а нѣкоторые изъ любопытства бѣгали въ людскую избу, чтобы поглядѣть на колдуна. Къ числу послѣднихъ принадлежала и горничная Вѣра, она хотя и хотѣла показывать изъ себя городскую франтиху и образованную барышню, но происходя изъ крестьянской семьи, раздѣляла всѣ тѣ заблужденія, которыя свойственны темному крестьянскому люду.

Поэтому она искренно вѣрила во всемогущество колдуновъ и съ нетерпѣніемъ ждала увидѣть Черную Кошку; какъ только узнала она, что онъ пришелъ и сидитъ въ людской избѣ то тотчасъ же

прибѣжала къ нему. Черная Кошка, видя, что къ нему прибѣжала нарядно, по городскому одѣтая дѣвушка, принялъ ее за барышню и хотя неуклюже, но насколько могъ почтительно поднялся съ лавки при входѣ ея въ избу.

— Это ты, Ѳедотъ, котораго въ деревнѣ называютъ Черной Кошкой?—бойко спросила Вѣра.

— Ѳедотъ то я Ѳедотъ, барышня, а народу вольно называть меня, какъ угодно: языкъ-то вѣдь безъ костей! угрюмо отвѣтилъ Ѳедотъ, которому очень не нравилось его прозвище.

— Такъ слушай, Ѳедотъ, правда ли, что ты можешь приворожить кого угодно и къ кому угодно, вотъ напримѣръ ко мнѣ?..

— Отчего не можно. Все можно! самоувѣренно и нахально отвѣчалъ Ѳедотъ.

— А когда къ тебѣ можно придти въ лѣсъ?

— Да я по цѣлымъ днямъ бываю въ своей избѣ; приходи, когда хочешь, лучше если поранѣе по утру, только непремѣнно одна приходи!

— А не страшно у тебя?

Чего же страшно. Мало ли ко мнѣ ходитъ народа.

— Такъ я приду къ тебѣ какъ нибудь. Только ты, смотри, никому не говори объ этомъ.

— Приходи, приходи; а говорить къ чему же? Я никому ни про что не говорю. Мало ли ко мнѣ по какимъ дѣламъ ходятъ, — отвѣчалъ Ѳедотъ, который и самъ не любилъ, чтобы приходившіе къ нему болтали объ этомъ на сторонѣ.

Вѣра хлопнула дверью и убѣжала, давъ себѣ внутренно слово, при первой же возможности побывать у колдуна.

Скоро Ѳедота позвали къ Аннѣ Алексѣевнѣ, которая такъ и ахнула, увидѣвъ этого медвѣдя. Она хотѣла что-то говорить съ нимъ, но увидѣвъ его ограничилась только тѣмъ, что спросила его, доволенъ ли онъ своимъ житьемъ, дала ему рубль на чай и затѣмъ поскорѣе отпустила его со своихъ глазъ.

Ѳедотъ довольный рублемъ и барыней чуть ли не бѣгомъ вышелъ со двора и бѣгомъ почти что шелъ до самаго лѣса, войдя въ который, онъ почувствовалъ себя, какъ дома и вздохнулъ свободнѣе.

Придя въ свою избушку, онъ завалился спать и спалъ до глубокой полночи.

Θедотъ былъ разбуженъ осторожнымъ стукомъ въ окно: Кого еще тамъ чортъ принесъ? — подумалъ Θедотъ и тихонько приподнялъ оконце.

— Кого чортъ тутъ носитъ? — окрикнулъ Θедотъ.

— Тише, дьяволъ, что ты горланишь! Я это!

— Да кто ты-то?

— Мишка Лапаевъ! Отворяй скорѣй!

— Эва, кого чортъ принесъ! сказалъ вслухъ Θедотъ и пошелъ отворять дверь нежданному гостю.

Когда дверь была отворена, то въ избу вошелъ человѣкъ почти такого же роста, какого былъ и Θедотъ, и съ такимъ же страшнымъ выраженіемъ лица. Вошедшій былъ почти что раздѣтъ; на головѣ у него не было шапки, а ноги его были совершенно босы.

— Ты откуда это, Мишуха?

— Извѣстно откуда, и спрашивать нечего. Былъ еще оттѣда, а тутъ вотъ верстахъ въ тринадцати отъ тебя, попался [illegible]

мужикамъ съ тройкою лошадей. Они меня и раздѣлали по своему; нѣтъ-ли у тебя во что одѣться?

— Какъ не быть! Что нибудь найдемъ; а теперь небось ты жрать хочешь, такъ садись, поѣдимъ: я самъ сегодня цѣлый день ничего не ѣлъ!

— А у васъ тутъ ничего, безопасно?.. не накроютъ?—боязливо спрашивалъ вновь прибывшій Өедота.

— Вотъ еще нашелъ о чемъ спрашивать! У меня братъ, живи, сколько хо чешь, никто и не узнаетъ. Только вотъ я тутъ надумалъ колдовствомъ заниматься, ко мнѣ ходитъ кое-что изъ деревенскихъ, такъ въ такомъ разѣ тебѣ придется въ подпольѣ прятаться этакъ на полчасика.

— Хоть на часъ! — отвѣтилъ Мишка Лаптевъ.

— Такъ ты говоришь, что колдовствомъ занимаешься? Ха ха ха! Это ты ладно придумалъ. Ха-ха-ха! — смѣялся здоровымъ басомъ Мишка. — Ну и что же выгодно это твое новое занятіе?

— Да, такъ себѣ маленькая выгода есть!

— Ловко! Ловко! Ну что же давай,

пожалуй, я теперь и закушу чего нибудь; а то я порядкомъ таки проголодался, бѣгая по этому проклятому лѣсу.

Ѳедотъ полѣзъ въ подполье и досталъ оттуда очень недурный холодный ужинъ: тутъ была и ветчина, и солонина, и яйца, а вдобавокъ ко всему этому онъ держалъ подъ мышкою штофъ вина. Конечно, все это было приношеніе тѣхъ темныхъ людей, которые, благодаря своему невѣжеству, обращались къ Ѳедоту за совѣтами и за помощью. Разложивъ все принесенное на столѣ, пріятели принялись за пированіе и начали дружескій разговоръ, но понять изъ этого разговора что нибудь было трудно, во первыхъ, потому, что говорили пріятели какимъ то условнымъ, только имъ однимъ понятнымъ языкомъ, а во-вторыхъ, потому, что и говорили то они болѣе шопотомъ, какъ будто боялись, что даже и здѣсь, въ глубинѣ лѣса, ихъ можетъ кто-нибудь подслушать.

VII.

Вѣра сначала только хотѣла подшутить надъ Иваномъ и попробовать надъ нимъ силу своего кокетства; но потомъ, когда

ей еще нѣсколько разъ пришлось увидать его, она уже не на шутку влюбилась въ него и стала только и думать о томъ, какъ бы увидать его. И во снѣ и на яву ей мерещились кудри его и его румяныя щеки и она стала употреблять всѣ усилія, чтобы почаще видѣть Ивана. Она дозналась, гдѣ находятся тѣ полосы, на которыхъ онъ работаетъ и гуляя съ барыней, всегда какъ бы неумышленно дѣлала такъ, что онѣ проходили именно этими полосами. Но всего этого ей было мало и она рѣшила во что бы то ни стало сдѣлать такъ, чтобы Иванъ какъ можно чаще находился въ господскомъ домѣ и хитрая дѣвушка достигла того, чего желала. Она почти что постоянно придумывала какую-нибудь работу и всегда посылала прикащика или кого-нибудь изъ работниковъ непремѣнно въ домъ дѣдушки Онисима, какъ будто отъ имени барыни. Старику нравилось, что барыня обращаетъ на его особенное вниманіе и онъ всегда очень охотно посылалъ племянника на работу въ господскій домъ, тѣмъ болѣе эта работа всегда по обыкновенію очень щедро оплачивалась, такъ что сосѣди даже са-

видовали Ивану и Онисиму. «Ишь ты, — говорили онѣ, — видно деньги такъ и любятъ итти къ деньгамъ же, вѣдь повезетъ же человѣку такое счастье, никого другого не берутъ на работу въ барскій домъ, а за нимъ почти каждый день посылаетъ». Иванъ и самъ привыкъ мало по малу къ барскому дому, перезнакомился тамъ со всѣми и всегда очень охотно шелъ туда, когда его звали, ничего и не подозрѣвая о томъ, какіе виды имѣла на него горничная Вѣра, а та между тѣмъ не дремала и употребляла всѣ усилія, чтобы вскружить голову простому деревенскому парню: она угощала его, когда ей приходилось встрѣчаться съ нимъ наединѣ, то гладила его по щекѣ и по кудрявымъ его волосамъ.

Ивану и самому нравилась эта бойкая, красивая, всегда нарядно одѣтая дѣвушка, но онъ постоянно думалъ о своей Матрешѣ и потому всѣ выходки и продѣлки горничной Вѣры плохо достигали своей цѣли, она видѣла неудачу своихъ попытокъ и въ ней заговорило оскорбленное самолюбіе кокетки.

«Какъ такое, думала она, — я побѣди-

на столько сердецъ у городскихъ лакѣевъ и прикащиковъ, а этотъ мужикъ не хочетъ обратить на меня никакого вниманія. Во что бы то ни стало а онъ будетъ мой!»

Потомъ она исподвалъ, осторожно начала наводить справки о томъ, не имѣетъ ли Иванъ какой нибудь зазнобы въ деревнѣ. И ей, конечно, ничего ни стоило узнать, что Иванъ любитъ Матрешу. Тогда ей сдѣлалось вдвое пріятнѣе приучить къ себѣ Ивана и „отбить“, какъ говорила она про себя, его отъ Матрены.— Но ничто пока не помогало Вѣрѣ въ исполненіи ея коварныхъ замысловъ.

Тогда-то она вспомнила о Черной Кошкѣ и искренно вѣря въ колдуновъ рѣшила обратиться къ нему за помощью. Узнавъ предварительно до тонкости дорогу къ Черной Кошкѣ, она однажды раннимъ утромъ, еще до появленія на небѣ утренней зари отправилась къ колдуну.

И Вѣрѣ, не смотря на ея бойкость, сдѣлалось жутко, когда она вошла въ самую лѣсную чащу, тѣмъ болѣе, что она привыкла бывать въ паркахъ съ правильно расположенными аллеями и расчищенными дорожками, но бывать въ дремучемъ лѣсу,

да вдобавокъ одной ей не приходилось никогда. Она усилила насколько могла свои шаги, чтобы скорѣе добраться до жилища колдуна. Къ величайшему своему удовольствію она, наконецъ, увидала избушку Черной Кошки и подбѣжавъ къ окошку, бойко и смѣло постучалась въ него. Ѳедотъ поглядѣлъ въ окошко, и замѣтилъ ее и сказалъ сидѣвшему въ противоположномъ углу Мишкѣ Лаптеву: полѣзай скорѣе въ подполье, ко мнѣ барышня пришла, небось пожива будетъ!..

Мишка не заставилъ себя долго упрашивать и тотчасъ же юркнулъ въ подполье, а Ѳедотъ отперъ дверь избушки и впустилъ въ нее Вѣру. Вѣра вошла и огдядѣлась. Внутренній видъ избушки не особенно поразилъ ее и даже не удивилъ нисколько, она горѣла нетерпѣніемъ скорѣе приступить къ дѣлу и скорѣе объясниться съ колдуномъ.

— Сказывай скорѣе, барышня, зачѣмъ пришла? — спросилъ ее Ѳедотъ, стараясь по возможности смягчить свой грубый голосъ. — Садись-ка.

Вѣра съ брезгливостью взглянула на грязныя лавки Ѳедота, потомъ на свое

чистенькое свѣтлое платье и въ свой черёдъ спросила Ѳедота: развѣ непремѣнно надо садится, а стоя нельзя.

— По мнѣ, красавица, все равно хочешь садись, хочешь стоя говори въ чемъ твое дѣло и я посмотрю, могу ли я помочь тебѣ. Ну, начинай же!

— Видишь-ли, начала Вѣра, сбиваясь и краснѣя, такъ какъ ей было стыдно признаться колдуну, что она полюбила простого мужика,— видишь ли, мнѣ очень хочется, чтобы меня полюбилъ одинъ человѣкъ. Научи меня, какъ это сдѣлать, а я тебя потомъ еще поблагодарю; съ этими словами Вѣра сунула въ руку колдуну серебряный рубль.

— А это барышня, прежде всего надо знать, кто такой человѣкъ который, ты хочешь, чтобы полюбилъ тебя.

— Да онъ простой, крестьянинъ простой... изъ Марѳина!

— Надо знать и имя его и кто онъ такой, только тогда я и могу помочь тебѣ въ такомъ дѣлѣ.

Вѣра задумалась; ей очень не хотѣлось говорить правду и сказать, что ей хочется, чтобы ее полюбилъ Иванъ, племянникъ Онисима.

Но колдунъ, замѣтивъ ея смущеніе и догадавшись о причинѣ его, говоритъ ей: да ты ничего, барышня, не бойся, я чужихъ тайнъ никому не говорю. Только говори мнѣ скорѣе, а то хуже будетъ для дѣла, если я самъ узнаю.

Тогда Вѣра рѣшилась, наконецъ, быть съ колдуномъ вполнѣ откровенной и сказала ему, крестьянинъ этотъ Иванъ, племянникъ дядюшки Онисима.

— Вотъ такъ-то лучше! сказалъ обрадованный Ѳедотъ, потому что онъ много зналъ объ Иванѣ и Матренѣ отъ Аксиньи и потому могъ удивить Вѣру своимъ будто бы всевѣдѣніемъ. „Такъ-то лучше, барышня, повторилъ онъ, а теперь мы и погадаемъ на этого самаго Ивана“.

Съ этими словами Ѳедотъ взялъ ковшъ воды, накрылъ его худымъ, грязнымъ рѣшетомъ и началъ бормотать надъ нимъ какія-то глупыя слова.

Вѣра же стояла и пока только съ удивленіемъ и съ любопытствомъ глядѣла на всѣ продѣлки колдуна.

Но вотъ колдунъ поднялъ рѣшето съ ковша, взялъ ковшъ въ руки и сталъ вни

мательно и пристально глядѣть въ воду, какъ бы усердно что то разглядывая; такъ какъ говорилъ онъ, вотъ теперь мнѣ видно все, я вижу, что ты хочешь, чтобы онъ полюбилъ тебя, но онъ пока тебя не любитъ, тебѣ кто то мѣшаетъ. А теперь видно, что тебѣ мѣшаетъ одна дѣвушка, которая живетъ тоже въ деревнѣ Марѳиной...

Вѣра внимательнѣе и внимательнѣе стала прислушиваться къ словамъ колдуна.

— А сейчасъ,—продолжалъ колдунъ,—я узнаю кто твоя разлучница и скажу тебѣ только ея имя, тамъ ты сама уже найдешь на деревнѣ, кто она такая, ну слушай же: звать ее—Матрена.

Вѣра едва не вскрикнула: такъ поразило ее это всевѣдѣніе колдуна и теперь она стала глядѣть на него не только съ удивленіемъ, но и со страхомъ.

— Что же мнѣ сдѣлать чтобы онъ полюбилъ меня? Научи меня, я тебѣ хорошо заплачу за это!—стала она умолять колдуна, вполнѣ увѣрившись въ его силу.

— Возьми вотъ этой травы, положи ее въ свой рукомойникъ и умывайся изъ того рукомойника три раза каждый день

и три раза каждую ночь. Когда же пройдетъ недѣля, то приди ко мнѣ и скажи, что случилось у тебя новаго и какъ будетъ глядѣть на тебя Иванъ.

Вѣра взяла данную ей траву, поблагодарила Ѳедота и ушла, обѣщаясь непремѣнно придти черезъ недѣлю. Съ радостнымъ сердцемъ шла Вѣра домой, она была теперь вполнѣ увѣрена что Иванъ находится въ ея рукахъ, такъ какъ всемогущество Черной Кошки, послѣ того какъ онъ удачно отгадалъ имя Матрены было для нея внѣ всякаго сомнѣнія.

Какъ ни старалась Вѣра пройти барскимъ дворомъ такъ, чтобы ее никто не замѣтилъ, она не могла сдѣлать этого и сразу же наткнулась на двухъ прикащиковъ, которые поздоровавшись съ нею, не утерпѣли! чтобы не замѣтить: а ранешько вы, Вѣра Павловна, изволите гулять!— далеко ли ходили?

— Да всю ночь не спала, болитъ голова: а ходила все тутъ около усадьбы!— соврала Вѣра и прибѣжавъ домой, въ свою комнату легла въ постель, такъ какъ знала, что господа еще долго невстанутъ. Долго она не могла уснуть все мечтая о

томъ, какъ она покоритъ сердце Ивана, но наконецъ, утомленіе отъ трудной дальной дороги и молодая натура взяла свое и Вѣра уснула.

Проснулась она не сама, а ее разбудила ключница.

— Что ты Вѣра сегодня разоспалась, господа уже встали и ждутъ тебя! — сказала Вѣрѣ ключница.

— Да я, бабушка, только на разсвѣтѣ уснула, а то все время гуляла по усадьбѣ, у меня голова очень болѣла!

— Христосъ съ тобою, дитятко, нашла тоже время гулять; ну иди съ богомъ, какъ бы господа не прогнѣвались!

Вѣра первымъ долгомъ поторопилась, умыться, причемъ не забыла, конечно, положить въ рукомойникъ травку, полученную отъ Өедота, а затѣмъ она уже пошла и къ господамъ исполнять свои обязанности.

Вѣра точно исполнила наказъ Черной Кошки умываться водою съ данной ей травкой трижды днемъ и трижды ночью и не лѣнилась даже вставать для этого по ночамъ, хотя и была большая охотница поспать и понѣжиться въ постѣли.

Она съ нетерпѣніемъ ждала только результатовъ, какіе дадутъ ей эти гаданія.

Къ концу той недѣли, которую назначила ей срокъ Черная Кошка, Иванъ пришелъ на работу въ господскій домъ; случилось такъ, что господа уѣхали въ это время на цѣлыя сутки въ гости къ сосѣднимъ помѣщикамъ и не обѣщались пріѣхать ночевать домой.

Вѣра рѣшилась воспользоваться этимъ случаемъ и пригласить Ивана въ свою комнату. Когда она замѣтила, что работа Ивана подвигается къ концу, то подошла къ нему и, сдѣлавъ самое привѣтливое и любезное выраженіе лица, сказала ему.

— Иванъ Петровичъ, вы скоро кончаете работать и вамъ придется ждать, когда придетъ приказчикъ и начнетъ выдавать деньги, идите и подождите въ моей комнатѣ, недавно хотѣла васъ угостить чаемъ, а теперь кстати господъ нѣтъ и они не пріѣдутъ до завтра!

Сколько ни отговаривался Иванъ, но Вѣра такъ пристала къ нему, что онъ вынужденъ былъ согласиться и пошелъ съ нею.

Этого только и надо было хитрой дѣ-

вушкѣ, она задумала удивить Ивана своимъ угощеніемъ и дѣйствительно удивила простого деревенскаго парня, такъ какъ ей это ничего не стоило, потому что она легко могла достать изъ господскаго буфета все, что только ей было нужно.

На столѣ кромѣ чаю появились самыя разнообразныя и тонкія закуски, различныя бисквиты и въ довершеніе всего даже нѣсколько сортовъ дорогого виноградного вина.

Иванъ, вволю поработавъ, съ удовольствіемъ пилъ чай и уничтожалъ закуски, но долго отказывался отъ вина.

Вѣра же такъ приставала къ нему съ просьбою отвѣдать выставленныхъ для него винъ, что онъ не утерпѣлъ и попробовалъ; ароматное вино очень понравилось Ивану и онъ началъ охотно пить его не заставляя уже Вѣру такъ долго просить себя, какъ она просила его за первою рюмкой скоро вино, богатая обстановка стола. чистенькая, уютная комнатка Вѣры и сама хозяйка этой комнатки, кр сивая, бойкая, здоровая и кокетливая дѣвушка окончательно вскружили голову Ивану и онъ началъ съ видимымъ

удовольствіемъ принимать ласки Вѣры, а потомъ уже сталъ даже добиваться ихъ.

Оба они называли другъ друга уже Ваней и Вѣрочкой и неоднократно обнимались и цѣловались.

Вѣрочка достигла своей цѣли и покорила сердце неопытнаго Ивана. Матреша была имъ забыта.

VIII.

Аксинья очень обрадовалась, что несмотря на всѣмъ извѣстную любовь ея дочери къ Ивану находится женихъ, который сватается за нее, тѣмъ болѣе, что Прохоръ Никитинъ былъ очень завидный женихъ и не для такой бѣдной невѣсты, какой была ея Матреша. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, очень недурной изъ себя, совершенно трезвый, домосѣдъ, любящій хозяйство и имѣющій хотя маленькія деньги. Но, чувствуя что она едва ли получитъ согласіе отъ Матрены на этотъ бракъ Аксинья робѣла говорить ей о Никитѣ Петровѣ и со дня на день откладывала объясненіе съ дочерью.

Наконецъ, она рѣшилась во чтобы то ни стало переговорить съ нею и отправи-

лась предварительно по знакомой дорогѣ къ Черной Кошкѣ, чтобы попросить у него помощи и совѣта. Уже не съ такою робостью, какъ въ первый разъ, подходила она къ дому колдуна, и порядочно смѣлѣе стукнула ему въ окошко. Ѳедотъ, высунувшись изъ окна по поясу, очень обрадовался, увидѣвъ Аксинью, не потому что надѣялся получить отъ нея порядочное вознагражденіе, а потому, что думалъ вывѣдать отъ нея, въ какомъ теперь положеніи находятся отношенія Иванушки къ Матренѣ. Эти же свѣдѣнія ему были необходимы для того, чтобы, основываясь на нихъ, дать болѣе или менѣе правдоподобный отвѣтъ Вѣрѣ, когда она придетъ къ нему вторично, а отъ нея Ѳедотъ надѣялся порядкомъ поживиться. Погоди, сейчасъ отопру,— крикнулъ онъ Аксиньи и потомъ, обращаясь къ какимъ-то своимъ пріятелямъ, сидящимъ въ избѣ, а ихъ у него было уже трое, кромѣ Мишки Лаптева, крикнулъ имъ: ну, вы, черти, полѣзайте скорѣе въ подполье, да не горланьте тамъ, ко мнѣ пускай одна очень нужная баба пришла! Затѣмъ онъ впустилъ Аксинью въ избу, а вошедши подавъ

предварительно Өедоту нѣсколько яицъ, по лѣстницѣ. И на этотъ разъ уже два другихъ выхода, которые тоже послала и начала просить его: — Не оставь своей милости; выручи, сдѣлай милость! Не знаю я, невѣдница, помогла ли твоя травка, это дальше, или нѣтъ, а тутъ у меня другое дѣло случилось. — И Аксинья начала разсказывать о томъ, что за Матрену сватается Прохоръ Никитинъ изъ города, что ей теперь хочется выдать дочь свою за этого жениха, что она не знаетъ, какъ уговорить его и проситъ его помочь ей въ этомъ дѣлѣ.

— Сказано, что баба — дура, и дура она и есть, дура, да еще какая! — закричалъ сердито на Аксинью Черная Кошка; да гдѣ у тебя, вѣдьма этакая, глаза-то, или ты не видишь ничего; а туда же еще лѣзетъ говорить, помогла или нѣтъ травка... Глядѣла бы лучше за своей Матреной, да за Иваномъ, тогда бы и увидала, что моя травка всегда помогаетъ!

— Прости, касатикъ, меня глупую, пожалѣй бабью, по своей бабьей глупости и не догадалась чего нибудь.

— Такъ бы вотъ и говорила лучше, — продолжалъ ворчать Черная Кошка, — а то не знаю помогла ли твоя травка или нѣтъ! Коли самой тебѣ не углядѣть, такъ скажи ка своей Матренѣ, чтобы она узнала, что дѣлаетъ ея Иванъ на барскомъ дворѣ, да возьми-ка вотъ этотъ пузырекъ и окропи водой изъ него Матренину сорочку, тогда и увидишь, что запоетъ твоя дочка.

Съ этими словами Черная Кошка далъ Аксиньѣ какой-то маленькій грязный пузырекъ съ водою и выпроводилъ ее вонъ изъ избы, а самъ, открывъ подполье, крикнулъ находившимся тамъ своимъ товарищамъ: ну, вы, дьяволы, вылѣзайте что ли, да захватите тамъ кстати закуски да штофикъ водки, а то пересохло у меня что-то въ глоткѣ отъ болтовни съ этою бабою.

Всѣ четверо товарищей немедленно вылѣзли изъ подполья и захватили съ собою все, о чемъ напоминалъ имъ Черная Кошка.

Въ избушкѣ поднялась пирушка, за первымъ штофомъ, послѣдовалъ второй, а тамъ и третій, благо много ихъ было у Федота, по милости темныхъ и глупыхъ людей, приходящихъ къ нему за совѣтомъ.

Аксинья пришла домой, улучила удобный случай окропить водой, полученной отъ Черной Кошки сорочку Матрены, и однажды вечеромъ начала съ дочерью давно желанное объясненіе.

— Матреша, а Матреша! Послушай-ка, я тебѣ новое хочу сказать, — обратилась она къ дочери.

— Что, маменька?

— Намедниесь приходила ко мнѣ Агафья кривая и сватала тебѣ жениха.

— Опять жениха. Вѣдь говорила я тебѣ маменька, что у меня только одинъ женихъ былъ и будетъ, — загорячилась было Матрена, но любопытство, свойственное какъ женщинамъ, такъ и дѣвушкамъ, заставило ее немного усмириться и она болѣе ровнымъ и спокойнымъ голосомъ спросила у матери.

— Кого же, маменька, сватаетъ Агафья?

— Эхъ, — вздохнула Аксинья, — сватаетъ то она человѣка очень хорошаго, отъ котораго намъ грѣхъ отказываться. Только вотъ съ тобой то ничего не подѣлаешь. Вишь ты какая, тебя никакъ и не уговоришь. Сватаетъ она тебѣ покойнаго Никиты Петрова сына Прохора Никитича,

который недавно пришелъ изъ солдатъ и теперь живетъ въ городѣ у купцовъ Сапоркуковыхъ.

— Да, Прохоръ Никитичъ очень хорошій человѣкъ,— немного подумавъ согласилась Матрена,— я знаю его, онъ очень добръ, и изъ себя недуренъ, и не будь у меня Ивана я съ удовольствіемъ бы вышла за него.

— Да что ты, Матрена, убить меня что ли хочешь?— уже гнѣвно закричала на нее Аксинья.— Стыда въ тебѣ нѣтъ, безсовѣстная! Мать чуть ли не двадцать лѣтъ мужицкую тяготу носила, да для дочери хоть что нибудь да скопила: а дочь о матери и думать не хочетъ. Да что же намъ теперь безъ мужика то дѣлать, вѣдь мое здоровье не прежнее, не могу я теперь работать, какъ работала прежде. Придется теперь на старости лѣтъ, проживать хозяйство, которое берегла я, какъ глазъ свой цѣлый вѣкъ, а тамъ послѣ ходить по міру. Какъ хочешь, а за кого нибудь да выходи; любъ тебѣ Иванъ — такъ выходи за него; я и его не корю; мнѣ только мужика надо, а то на что это похоже: Иванъ да Иванъ, а толку нѣтъ

никакого. Что же ты его подробевшей что ли хочешь быть? Хочешь осрамить что ли меня на старости лѣтъ? Бессовѣстная!

Блѣдная, какъ полотно, сидѣла Марфа, слушая укоры матери, соглашаясь въ душѣ и сознавая, что эти укоры отчасти справедливы. Но что она могла отвѣтить матери? Подумавъ немного, она сказала: маменька, да вѣдь я сама виновата. Иванъ не одинъ разъ хотѣлъ поговорить о нашей свадьбѣ съ батюшкой Онисимомъ, да я его все отговаривала.

— Ну, тамъ какъ хочешь, но хочу я знать, кто у насъ правъ, кто виноватъ, а ты черезъ недѣлю дай мнѣ отвѣтъ непремѣнно. Не то я сама буду знать, что мнѣ дѣлать и тебя больше спрашивать ужъ не буду.

— Хорошо, маменька, хоть и боязно мнѣ, а я поговорю!

— Да торопись, дочка, а можетъ быть ты уже опоздала.

— Про что это ты, маменька, намекаешь?

— Такъ, ни про что, только люди вонъ говорятъ, что Иванъ очень часто бываетъ на барскомъ дворѣ. Смотри, не думаетъ ли онъ тамъ свататься.

Какъ громомъ поразили эти слова бѣдную Матрешу, она вѣрила Ивану, но какъ большинство влюбленныхъ, была очень ревнива. Тутъ же ей пришло въ голову, что Иванъ дѣйствительно очень часто бываетъ на барской усадьбѣ въ то время, какъ другихъ парней почти что не зовутъ туда на работу; пришло ей на умъ и то, что Иванъ въ послѣднее время сталъ какъ будто бы холоднѣе относиться къ ней, не такъ охотно выходитъ на обычныя свиданія и не такъ долго сидитъ съ ней по ночамъ, какъ сидѣлъ ранѣе. Съ нетерпѣніемъ ждала Матреша наступленія сумерекъ и сидя около окна караулила, когда пойдутъ съ полевыхъ работъ крестьяне, чтобы увидать въ числѣ ихъ Ивана и попросить его непремѣнно выйти этой ночью на обычное свиданіе.

Вотъ потянулись длинной вереницей работавшіе въ полѣ крестьяне и Матреша, замѣтивъ идущаго съ поля Ивана, рукою подозвала его къ окну.

— Ваня, милый, — говорила она ему шепотомъ, — непремѣнно сегодня, послѣ ужина, выходи на улицу, надо поговорить съ тобою объ одномъ большомъ дѣлѣ.

— Ладно, буду! — сказалъ не особенно охотно Иванъ и пошелъ вслѣдъ за другими работниками.

IX.

Отношеніе Ивана къ Матренѣ въ послѣднее время дѣйствительно измѣнилось и оставалось только удивляться, какъ не могла этого замѣтить Матрена.

Вѣра окончательно вскружила Ивану голову и онъ помимо того, что увлекался Вѣрою, ея красивою внѣшностью и ея кокетствомъ, но еще и гордился тѣмъ, что его полюбила такая барышня, какъ онъ про себя называлъ Вѣру.

Оставшись наединѣ съ своими мыслями и дѣлая мысленно сравненія между Вѣрой и Матреной, Иванъ приходилъ къ результату очень невыгодному для послѣдней. Во первыхъ, Вѣра брала передъ нею верхъ уже однимъ своимъ костюмомъ: она всегда была одѣта на взглядъ Ивана вполнѣ широко, въ то время, какъ Матрена часто или почти что всегда показывалось Ивану прямо съ полевыхъ работъ, въ рваномъ и запачканномъ сарафанѣ и босикомъ. Вѣра была очень опрятна, она не только отли-

чалась своею опрятностью, но отъ нея еще всегда пахло какими-то сильными пахучими духами а Матрена имѣла грязныя мозолистыя руки и такъ какъ она по буднямъ ходила босикомъ, то рѣшительно нельзя было, отъ массы приставшей къ ея ногамъ грязи опредѣлить, какого онѣ цвѣта; Вѣра была всегда весела и игрива Матреша же только и толковала, что о полевыхъ работахъ, да о недостаткахъ по своему хозяйству.

Вообще Иванъ сталъ гораздо болѣе думать теперь о Вѣрѣ, нежели о Матренѣ и ему крайне тяжело и не пріятно было выходить изъ дома на тѣ обычныя свиданія съ Матреной, на которыя онъ ранѣе стремился съ такимъ восторгомъ и съ такимъ нетерпѣніемъ. Но дѣлать было нечего, нельзя же было ему сразу прервать свои сношенія съ Матреной и потому, хотя не особенно охотно, но онъ вышелъ все-таки на условленное свиданіе подъ липамъ. Матрена была уже тамъ и, какъ обыкновенно, приняла его въ свои объятія. «Ваня милый, голубчикъ, садись поскорѣе, мнѣ надо съ тобой много кое о чемъ поговорить.» И она начала разска-

зывать ему все то что произошло сегодня у ней съ матерью; говорила ему также и о сватовствѣ за нее Прохора Никитина; въ концѣ же концовъ просила его переговорить поскорѣе объ ихъ свадьбѣ съ дѣдушкой Онисимомъ, чтобы она могла дать отвѣтъ своей матери.

Что то такое, похожее нѣсколько на ревность, шевельнулось въ сердцѣ Ивана, когда Матрена упомянула ему о томъ, что за нее сватается Прохоръ Никитинъ; но чувство это, какъ мгновенно появилось, также мгновенно пропало у Ивана. Снова представилъ передъ нимъ увлекательный образъ Вѣры и онъ уже нисколько не жалѣлъ, если бы увидѣлъ Матрену за кѣмъ нибудь замужемъ. На просьбу же ее поговорить съ дѣдушкой Онисимомъ о свадьбѣ, онъ почти что грубо замѣтилъ ей, что теперь не время съ нимъ говорить объ этомъ и что надо нѣкоторое время подождать. Вообще онъ такъ велъ себя во время свиданія, что Матрена сразу замѣтила, что онъ почти что совсѣмъ охладѣлъ къ ней и ничѣмъ не жалѣлъ. Матрена не-нять Ивану что замѣтила его охлажденіе къ ней и скрѣпя сердце простившись съ

нимъ, ушла домой, гдѣ уткнувшись разгоряченнымъ лицомъ въ подушку, проплакала почти всю ночь.

На утро она рѣшила побывать на барскомъ дворѣ и узнать, что за причина перемѣны отношеній къ ней со стороны Ивана. Недолго пришлось бѣдной дѣвушки доискиваться этой причины; связь Ивана съ Вѣрой не была тайной для барской прислуги, и Матрена очень скоро узнала горькую истину.

Вся въ слезахъ прибѣжала домой и на вопросъ матери, что такое съ нею случилося, отвѣчала: ничего, выдавай меня теперь за кого хочешь; мнѣ все равно.

Вѣсть о томъ, что за Матрену сватается Прохоръ Никитинъ, и что свадьба эта можетъ очень легко состояться, быстро облетѣла всю деревню и дошла до слуха дѣдушки Онисима, который очень любилъ какъ Матрену, такъ и мать ея и всегда готовъ бы дать свое согласіе на бракъ племянника съ Матреною; онъ видѣлъ, какъ молодые люди любятъ другъ друга и съ минуты на минуту ждалъ, что племянникъ станетъ просить у него этого согласія.

— Что же ты невѣсту то упускаешь?— спросилъ дѣдушка Онисимъ у своего племянника.

— Какую невѣсту?—мрачно спросилъ тотъ.

— Чай не съ десятью Матренами ты гулялъ!

— Нѣтъ дяденька Матрена мнѣ не невѣста.

— Что же? или другую нашелъ.

— Нашелъ!

— Кто жъ такая будетъ?

— А, такая будетъ, что и вы, дяденька, и тетенька Домна такъ и ахнете, когда узнаете кто она такая. А ужъ меня такъ любитъ, такъ любитъ, про это лучше и не говорить.

— Да ты говори только скорѣе, а мы, тамъ ужъ узнаемъ.

Иванъ чистосердечно разсказалъ дядѣ все, что происходило между ними и Вѣрою; но къ удивленію его дядя не только не удивился и не обрадовался, узнавъ о томъ, что его Ивана полюбила такая барышня, но еще пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе.

— Ну, Ванюха, не дѣло ты затѣялъ удержать, конечно, я тебя не могу, а нѣтъ тебѣ на это моего благословенія и наслѣдство послѣ себя я лучше откажу на церковь, чѣмъ отдавать мои трудовыя денежки на прихоти разнымъ глупымъ и пустымъ франтихамъ.

Хлопнулъ дѣдушка Онисимъ въ сердцахъ дверью и вышелъ на улицу, а Иванъ посидѣлъ, посидѣлъ у стола, низко опустивъ свою курчавую голову и порѣшилъ сходить посовѣтоваться съ Вѣрой. Одѣлся онъ и отправился на барскую усадьбу, тамъ извѣстными ему ходами добрался онъ до комнаты Вѣры и остановился, за дверью слышался разговоръ. Иванъ остановился и не почему нибудь онъ остановился, а потому только, что не хотѣлъ войти къ Вѣрѣ при постороннихъ. Стоя за дверью Иванъ отлично могъ слышать, что говорила въ комнатѣ: милый, милый говорила кому-то Вѣрочка и затѣмъ раздавались звуки страстныхъ поцѣлуевъ.

— Ты говоришь: милый, а самъ, какъ

мнѣ сказывала, безъ ума тутъ отъ какого то мужика.

— Ну, ужъ и безъ ума, обидѣлась Вѣра, такъ посмѣялась надъ нимъ. Да кого же выбрать то въ этой трущобѣ, вотъ теперь, когда познакомилась съ тобою, мнѣ уже не надо будетъ никого.

Шатаясь отошелъ Иванъ отъ двери Вѣриной комнаты, но имѣлъ все таки еще силы спросить у попавшейся ему на дорогѣ служанки, кто такой сидитъ въ комнатѣ у Вѣры.

— А,—засмѣялась ядовито служанка,— это лакей господъ Ознобишиныхъ которые пріѣхали въ гости къ нашимъ господамъ. — Что ты глаза то выпялилъ? Погляди-ка франтъ какой, не тебѣ сиволапому чета.

Иванъ пришелъ домой и завалился на сѣновалъ, на которомъ и провалялся цѣлыя сутки не выходя ни на работу, ни къ столу. Обидно ему было, что онъ далъ себя одурачить такой вертушкѣ дѣвченкѣ, какой теперь въ его глазахъ была Вѣра

и больно ему было за то, что онъ упустилъ, какъ онъ думалъ, такъ глубоко и такъ искренно его любящую Матрену.

Къ вечеру другого дня на сѣновалъ вошелъ дѣдушка Онисимъ и, обращаясь къ племяннику, сказалъ:

— Ну, что же, надумалъ ты что-нибудь, а то вонъ въ избу пришла тетка Аксинья и хочетъ о чемъ то поговорить съ тобою. Пойди-ка къ ней; она ужъ давно ждетъ тебя.

Иванъ вскочилъ и вошелъ въ избу. Тамъ дѣйствительно сидѣла пригорюнившись Аксинья, которая, увидавъ Ивана, сейчасъ же обратилась къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Что же, Иванъ Петровичъ, ты совсѣмъ отказываешься отъ моей Матрены, такъ говори: завтра я ѣду въ городъ и мнѣ надо будетъ дать окончательный отвѣтъ Прохору Никитичу.

Повалился въ ноги Иванъ дядѣ и теткѣ Аксиньи и сталъ просить у нихъ, чтобы простили они его окаяннаго, на котораго нашло какое то бѣсовское наважденіе.

— Люба мнѣ Матрена, закончилъ онъ, и больше никого мнѣ не надо.

— Давно бы такъ,—сказалъ дѣдушка Онисимъ.—Теперь, Аксинья, поди и скажи своей Матренѣ, чтобы она даромъ то много не ревѣла. Скажи ей, что мы дѣла долго откладывать не будемъ, а скоро веселымъ пиркомъ да и за свадебку.

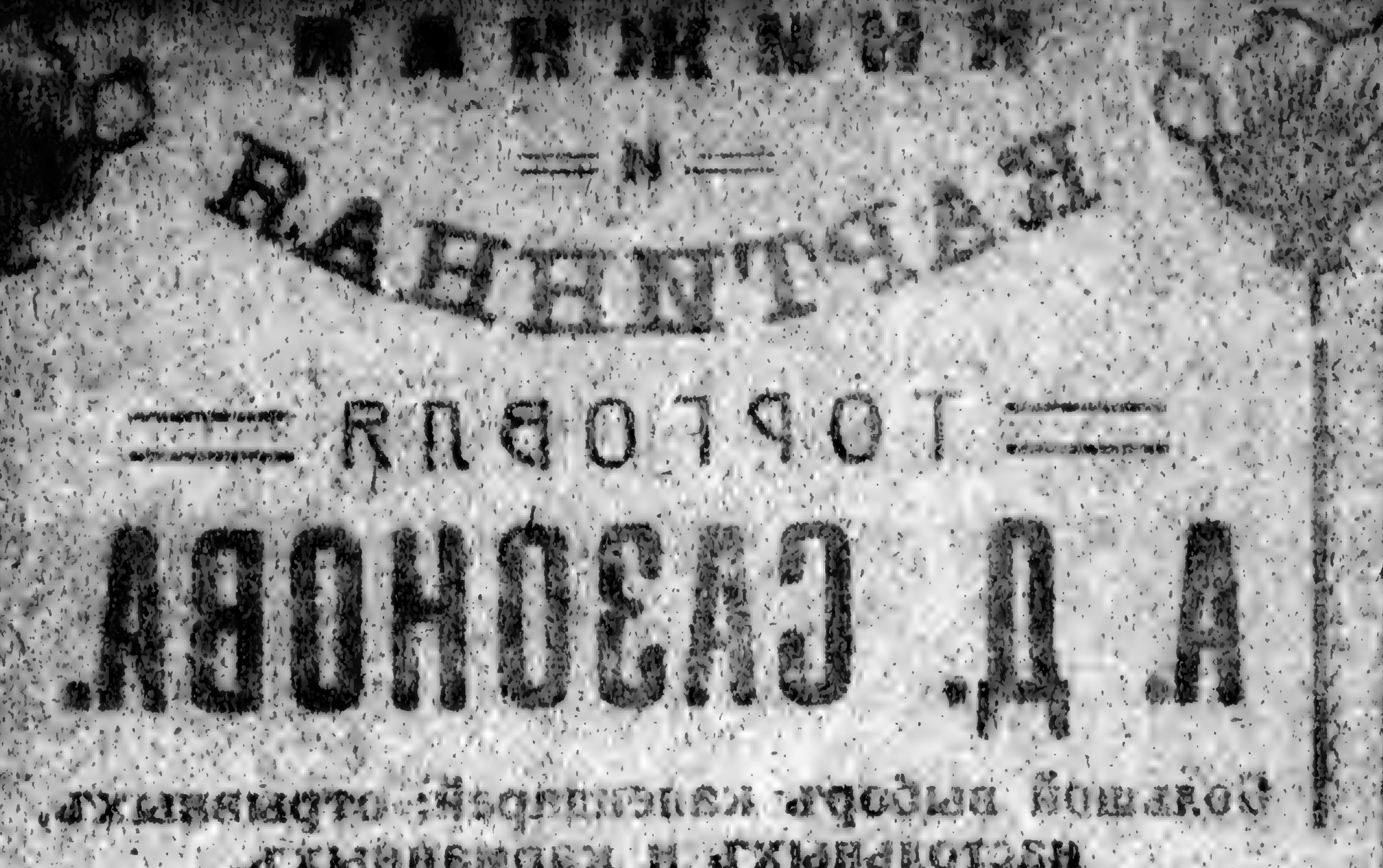
Черезъ нѣкоторое время въ деревнѣ только и толковъ было, что объ арестѣ колдуна Черной Кошки.

Нежданно наѣхала въ деревню полиція съ жандармами, собрали почти полдеревни и окружили избушку Черной Кошки, гдѣ арестовали его самого и пятерыхъ его товарищей, скрывавшихся у него. Хотѣли было они вырываться изъ рукъ полиціи, пытались пустить въ ходъ даже оружіе, но видя что для ихъ облавы собрано много народа, отдались въ руки правосудія. Оказалось, что Черная Кошка и не бывалъ до этихъ поръ въ Мареинѣ, а былъ родомъ изъ Рязанской губерніи, за грабежи и убійства онъ былъ сосланъ въ каторгу, познакомился гдѣ-то съ дѣйствительнымъ мареинскимъ Ѳедоромъ, узналъ отъ него всю подноготную, потомъ, убивъ его вос-

пользовался его паспортомъ и явился въ Мароино, гдѣ нарочно поступилъ въ лѣсники, такъ какъ въ лѣсной избушкѣ ему очень удобно было скрывать своихъ товарищей, тоже бѣглыхъ каторжниковъ и награбленное ими добро.

Такъ вотъ каковы иногда бываютъ колдуны!

Конецъ.

Книжная и картинная торговля

А. Д. Сазонова.

Большой выборъ календарей: отрывныхъ, настольныхъ и карманныхъ.

МОСКВА,

1) Лубянская площ., Китайскiй проѣздъ, домъ Человѣколюбиваго о-ва, №№ 24-25.

Телефонъ № 109-04.

2) Зарядье, Малый Знаменскiй пер., домъ Знаменскаго монастыря.

3) **Нижегородская ярмарка**, на шоссѣ, №№ 62-64.

Типографiя П. В. Бѣльцова. Москва, Чистые пруды, д. 14. Телеф. № 10-91.

КНИЖНАЯ
И
КАРТИННАЯ
ТОРГОВЛЯ
А. Д. САЗОНОВА.
Большой выборъ календарей: отрывныхъ, настольныхъ и карманныхъ.
МОСКВА,
1) ЛУБЯНСКАЯ ПЛОЩ., КИТАЙСКIЙ ПРОѢЗДЪ, ДОМЪ ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАГО О-ВА, №№ 24-25.
ТЕЛЕФОНЪ № 109-04.
2) ЗАРЯДЬЕ, МАЛЫЙ ЗНАМЕНСКIЙ ПЕР., ДОМЪ ЗНАМЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ.
3) Нижегородская ярмарка.
на шоссѣ, №№ 62-64.
Типографія
П. В. БѢЛЬЦОВА.
Москва, Чистые пруды, д. 14.
Телеф. № 10-91.

